

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в клубе "Юніонъ"
состоится
АНОНСЪвъзвѣстной биржи
въ этомъ домѣ въ стражѣСостоится въ Концертномъ Зданіи
Концертъ Мариі Ивановны ДолинойГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 3 (89)

Сентябрь. 2014 год.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Нам 220

2 сентября 2014 года Одессе исполняется 220 лет. Вижу иронические усмешки. Это разве юбилей, если сравнить с Римом, Иерусалимом, Афинами, даже с Киевом? А зачем и кому нужно сравнивать? У каждого города — своя судьба, свой норов, свое место и на карте, и в сердцах людей.

Одесса действительно молодой город, это не недостаток, это может быть огромным достоинством. Но если за 220 лет город сложил свою мифологию, дал миру столько талантливых людей — в науке, искусстве, коммерции, экономике; если об этом городе сложены сотни стихов и песен, значит, он заслужил это признание. А точнее, заслужили его жители, одесситы, кто буквально на пустынном стыке моря и степи построил Южную Пальмиру.

— Есть ли в городе дома, которым сегодня 220 лет? — спросил я у своего друга, выдающегося краеведа ("короеда", как он сам называет себя и своих коллег) Олега Губаря.

— Как минимум есть три дома, построенных в XVIII веке. К примеру, винарка "У двух Карлов" на углу Екатерининской и Греческой находится в доме Прокопеуса, а это XVIII век...

И всё же для фотографии на обложке газетного номера я взял не дом. Для нас для всех первым путеводителем по Одессе навсегда остается глава из "Путешествия Онегина". Так вот, если "степь нагая", о которой писал Пушкин, чуть отошла за пределы города, то вольная стихия — море — все так же обнимает город.

Ворота в Европу, дававшие все 220 лет ощущение свободы.

Естественно, города, как и люди, растут, меняются. Но к достоинствам Одессы следует отнести и то, что, задуманная по плану де Волана, она две сотни лет строилась с учетом идей этого первостроителя. Конечно, многое нарушалось и разрушалось. Особенно в последние годы. Безумие, связанное с гостиницей за морвокзалом, так называемая "Европа" на Дерибасовской, уничтоженная гостиница на этой же, главной, улице Одессы, изувеченные Греческая площадь и Отрада... А сколько нелепых планов предлагали новые лжереформаторы — им нужен был "морской фасад" Одессы, чтобы заработать бешеные деньги, им и сейчас хочется точечно встраивать в центр города (площадь Льва Толстого) 22-этажные монстры.

Пока город своей структурой сопротивляется варварскому насилию. Хватит ли у него терпения, мудрости, выдержки?

У Юрия Михайлика есть удивительные стихи о море, значит, об Одессе:

Всё против нас. И небо против.

Но море всё ещё за нас.

Так было 220 лет. Давайте верить, что так будет еще хотя бы 280 лет. И тогда — к 500-летию Одессы уже никто не станет нам пенять, что какие-то волнистые юбилеи справляете

Но мы их празднуем. Их празднует город, оставшийся красивым, уютным, любимым вопреки нелепому времени.



Фото Олега Владимировского

Дорогие одесситы!

Я поздравляю Город уникальной культуры, юмора и красоты с 220-летним юбилеем!

"Ах, Одесса, жемчужина у моря..." Так и слышу голос целого города. Сейчас, в дни горя и тревоги, это не воспринимается как тривиальность.

Я восхищаюсь, что, несмотря на тяжелую ситуацию, продолжают выходить газеты, альманахи, журналы, проходят летние фестивали и книжная ярмарка. Одесситы продолжают "делать" искусство. Они — непобедимы!

Война в Украине задела всех. Я не помню, чтобы так страстно обсуждались события в прессе, среди друзей, на РБ. Я не помню, чтобы так ссорились, так яростно расходились во мнениях люди, как казалось, одного караса. (Разве что трагические события 9/11 в Нью-Йорке вызвали такой сильный резонанс.) Наверное, это и есть гражданская война, которой нынешним поколениям довольно долго удавалось избежать.

Я, живущая в спокойной на сегодняшний день Канаде, не имею права ни к чему призывать. Я только могу горячо надеяться, что скоро придет мир и прекратятся чудовищные жертвоприношения неведомо кому.

С огромным уважением —

Марина Попова.
Монреаль, Канада.

Дорогие земляки!

Мы, группа заокеанских одесситов, от всего сердца поздравляем вас с 220-летием Одессы и желаем всем оставаться такими, какими родились, какими во все времена были наши предки — большими патриотами родного города, сделавшими Одессу такой, какой её знают и любят.

В эти не самые лучшие как для всей Украины, так и для нашей менинницы времена каждый из нас не только радуется любым добрым новостям из родных пенат, но и продолжает заниматься тем, чем по зову души в юности загорелся ещё в Одессе: историей этого чудесного города.

Так, Леонид Рабинович на основании приобретенных им уникальных архивов Воронцовых и Курисов на страницах газет знакомит современного читателя с этими прежде известными, а сейчас порой стирающимися из памяти достойными одесскими фамилиями. Слава Валис и Александр Корхов продолжают интенсивно пополнять свои потрясающие коллекции связанных со старой Одессой раритетов, а Виктор Корченев ожидает выхода в свет второго издания своей последней книги "Как рождаются и умирают коллекции", дополненной новыми краеведческими очерками и множеством обнаруженных им в Нью-Йорке редкостных одесских фотографий.

Так что жизнь продолжается...

Виктор Корченев, Леонид Рабинович,
Слава Валис, Александр Корхов.

Всемирный клуб одесситов.

Леониду Рукману, Аркадию Креймеру.

2 сентября 2014.

Дорогие друзья!

Одесситы Лос-Анджелеса сердечно поздравляют Всемирный клуб одесситов, всех вас, родную Одессу со знаменательным юбилеем — 220-летием!

Мы уверены, что Одесса и её дух — вечны. И никакие бури нас не сломают.

Желаем всем одесситам мира и процветания!

С глубоким уважением —

президент ассоциации
"Одесское землячество Лос-Анджелеса"
Борис Ципис,
редактор "Одесского маяка"
Михаил Пальянкер.

Уважаемые друзья, коллеги — земляки!

Ваш родной филиал — Клуб одесситов Санкт-Петербурга — от имени Северной Пальмиры шлёт родной, Южной, нам, хоть и более нордический, но не менее горячий привет и всяческие поздравления. Счастья, здоровья и удачи!

Артисты с художниками, моряки с портובиками, инженеры и педагоги — все мы когда-то оказались в Ленинграде. Кто-то, "окончив Ленинград, поступил в Москву". А кто-то остался... Как оказалось, надолго. И все эти годы, которые проносятся, как жизнь, мы всегда испытывали существование затруднение. Когда нас спрашивали: "Откуда вы?" — мы всегда задерживались с ответом. Вроде нужно гово-

Членам Всемирного клуба одесситов.

Ну вот, Одессе 220 лет. Это отнюдь не много. В Милане я живу на площади Сант-Эусторджо, где стоит церковь IV века. Позже уже романская базилика была построена в XI — XII вв. А рядом — римские колонны и остатки римской стены, которая окружала город Медиоланум. И моя мастерская находится в доме, который старше Одессы. Рядом во дворе fonte battesimale — Крестильная купель, I век.

Казалось бы, у Одессы всё впереди. Но прошлое её так насыщено, что кажется, будто и сами одесситы как-то до чрезвычайности преисполнены историей и культурой своего города. Да и люди одесские особенные. Полно, прилетела в Одессу на открытие Всемирного клуба одесситов. Вечер вёл непрезойдённый Жванецкий. В огромном, полном праздничного напряжения зале, теряясь на огромной пустой сцене, я прочла какой-то свой небольшой стишок. Было страшнее, чем в Ла Скала.

Итак, я родилась в Одессе, там, где Восток встречается с Западом, а море смешалось со степью.

Но мой первый творческий вечер состоялся в Петербурге, в Доме композиторов: музыка и поэзия. И вдруг вижу: перед входом в зал несколько человек, нарядные, раздают какие-то красивые "картонки" — мои стихи, текст Набокина, чудные фотки, прекрасная графика начинающей Анны Толубовской. Сюрприз. "Делегация" из Одессы. Обладать можно!

Дирекции Всемирного клуба одесситов гг. Леониду Рукману и Аркадию Креймеру.

От своего имени и от имени ряда одесситов, проживающих в Израиле, хочу выразить глубокую признательность за всю ту гигантскую и важнейшую работу, которую вы проводите для поддержания клуба на уровне высочайшего класса. Многие из нас очень страдают от того, что мы так далеко и не можем присутствовать на многочисленных заседаниях клуба, на мероприятиях, которые вы устраиваете.

Но благодаря Интернету у нас есть возможность незримо присутствовать на встречах в клубе. Ваш интернетовский сайт просто захватывающе интересен. Мы знаем обо всем, что происходит в клубе. Мы видим фотографии посетителей клуба. Мы читаем интереснейшие литературные произведения различных авторов, публикующихся на вашем сайте. Особо хочется отметить таких выдающихся писателей и журналистов как Наталья Бржестовская, Евгений Толубовский, Анатолий Горбатюк, Олег Тубарь, Елена Шевчикова... А как интересно увидеть родные всем нам лица и прочесть такие интереснейшие статьи о гостях клуба: о художнике Леониде Тервице, об Александре Горюновском — замечательном поэте и не менее выдающемся ученом, о знаменитых кавказниках Валерии Хаите и Борисе Щелове, о знаменитом кинорежиссере Петре Тодоровском или о композиторе Александре Журбине.

Мне было невыносимо тяжело услышать о безвременной смерти выдающегося Человека — Бориса Давидовича Литвака, с которым я был знаком много лет, т. к. жил по соседству с руководной им спортивной школой. В свое время он очень помог и мне тоже. Как много хорошего он сделал для всех нас! А самое главное, на мой взгляд, это сделать все, чтобы сохранить созданный им "Дом с ангелом"...

А сколько замечательных проектов осуществил коллектив ВКО! Например, издание и постоянное обновление компьютерного диска "Они оставили след в истории Одессы". Редактор проекта Евг. Толубовский вместе с А. Рукманом, А. Креймером, Л. Вазнером и другими энтузиастами сумел вложить на маленький диск огромный и уникальный материал о биографиях выдающихся писателей, музыкантов, художников, врачей, ученых, спортсменов, архитекторов... А великолепные фотографии Одессы от времени ее создания и по сегодняшний день! Издание даёт возможность не только прочитать и увидеть героев очерков, но и услышать их живую речь, музыкальное сопровождение и многое-многое другое. Авторам удалось до читателя подробности жизни и деятельности свыше 1000 известнейших людей, живших и творивших в нашей родной Одессе. Жаль только, что диск можно смотреть только на компьютере. Хотелось верить, что наступит время, когда содержимое диска можно будет увидеть и на проигрывателе DVD, т. к. далеко не у всех есть компьютеры, и многим пожилым людям просто тяжело освоить технику работы с ними...

Вообще сайт ВКО (www.odessitclub.org) поражает обилием информации. Здесь можно найти практически все, что хотелось бы знать об Одессе и не только. Аркадием Креймером и Леонидом Рукманом проделана огромная работа по созданию и ведению сайта. Кроме того, постоянно появляются новые иконки и новые возможности для желающих участвовать в жизни клуба.

В связи с приближающимся днем рождения Одессы хочется пожелать всем вам дальнейших творческих успехов, мира и многих лет жизни.

С уважением и любовью —

Григорий Ценный, Ваим Донской и другие.
Израиль.

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ОДЕССА

Девчонкой я убежала тайком к обрыву и смотрела, как уходила в бесконечность волна моего Чёрного моря.

Девушкой, глядя вечером на лунную дорожку, я делалась с моим морем мечтами.

Потом жизнь различила меня с родным городом и моим морем. Но каждое лето я спешила к ним на свидание.

А сейчас я живу совсем у другого моря. У него другие запахи и цвета. И странное дело: страна стала мне родной, а море — нет. И нет на Земле другого города, который я могу назвать родным. Только в Одессе, на Канатной, живёт моё детство, только в Львовском переулке на Большом Фонтане живёт то мгновение, которое определило мою жизнь уже на 55 лет. Только в Одессе, под одинаковыми мраморными плитами, хранятся запахи маминой стирки и звуки папиных шагов по нашей лестнице.

Там, в Одессе, нашла я друзей. И даже те, кого нашла уже здесь, у другого моря, оказались одесситами.

Моей Одессе сегодня живётся трудно и тревожно. И стране, в которой я живу уже 24 года и которую очень люблю, живётся трудно и тревожно. И душа не делает различий — в ней боль за обе родины. Но и гордость за обе родины. И надежда.

Со всех уголков Земли сегодня шлёт поздравление и пожелание Одессе. И я желаю.

Сохраняй достоинство, мой родной город! Не дай ожесточиться своему сердцу! Пусть твои жители не забывают, какими тёплыми и гостеприимными городом ты всегда была.

С днём рождения, Одесса!

Зинаида Дагова. Израиль.

И вот нынче летом поэма "Проект, или Возможное не" была удостоена престижной премии Монтана, но до этого она уже была опубликована... в Одессе.

Вот отрывок из неё: "Я — не одесситка. Если бы память о Чёрном море не являла мою принадлежность к Средиземноморью, если бы не хранила образы кораблей и первой любви к сыну капитана, обольстительному будущему капитану дальнего плавания, если бы Одесса не была местом моего не всеми желаемого рождения, если бы не память запахов каштанов и акаций, полыни Каролино-Бугаза, настоящей на морской соли, лиманной грязи, плотной, как чёрное коровье масло, что пахнет пронзительно серой, и если бы не надлюдательный пункт в бурьяне над обрывом, что оползлями вгоняет в море высокие берега, сбегаящие к Ланжерону, а дальше — шаланды, первый бычок и мидии, что спасали от голода южнорусское детство и юность, когда под доверительный зов "свежая камбала" уже живописались первые строчки о море, и если бы не звучали в памяти арии Верди на украинской мове и не рвался гортанно-чувственный смех из горла по поводу победы и без повода, ибо юмор жил под кожей с гормонами, с вирусами и бактериями, питая либидо и неукротимую волю к творчеству — суть духа многонационального города у моря. Совсем Италия, писал в стихах Багницкий".

Евгения Шац.

Здравствуйтесь, дорогие друзья!

Мысленно с вами, хочется и лично, но будем ждать, наконец, снижения напряженности с надеждой, что разги все-таки победит! А пока, огромное спасибо москвичам, в Питере прошел, несмотря на дачный сезон, абсолютно одесский вечер.

Надеюсь, что культура и впредь будет преобладать в отношениях!

Огромный привет друзьям и коллегам из солнечного Питера!

С уважением —

Александр Кириченко.

Спасибо большое, Леонид. Вас благодарит вся моя семья.

Удачи завтра Украине и Вам лично.

Хоть бы уже стабилизировалось как-то.

Вика Ладыженская.

Уважаемый директор Всемирного клуба одесситов.

Я одесситка в пятом поколении. Мой прапрадед был греком и воевал как военачальник с турками, за что был награжден Екатериной землей, куда и вывез свой род с острова Крит (сейчас это Иллычевск).

Моя бабушка — Орлова. Ее предки были художники, скульпторы, артисты. Один из прадедов (скульптор) участвовал в установке скульптуры на Оперном театре, а там моя бабушка была певицей в том же театре.

Я в Англии семь лет. Может быть, Вы помните, в Одессе проходили конкурсы красоты для слепых девочек (всего их было семь). Это я была их организатором (пригласила и проводила, но с моим отъездом все закончилось).

Приехал в Лондон, я преподавала русский и украинский в посольствах, но они не хотят ничего делать.

В Лондоне есть музей, где собраны куклы со всего мира, но нет украинских (а русские есть). Я привезла куклы в национальных украинских нарядах и передала их в посольство (жалею, что не в музей), а мне даже ничего не сообщили. Я думаю, они их просто выдосили.

Я пишу это для того, чтобы вы поняли, что я организатор по натуре. Могу и хочу работать на благо Одессы. Например, я могла бы зарегистрировать в Лондоне всех желающих сотрудничать с клубом, а затем организовать встречу с руководством клуба.

Может быть, у Вас будут другие предложения? Например, организовать выставку одесских художников (виды Одессы).

Хотела бы вступить во Всемирный клуб одесситов.

С уважением и желанием работать —

Олга.

Директору Всемирного клуба одесситов Леониду Рукману.

Круглосуточный информационный телеканал "Россия 24" готовит к свелкам специального репортажа о прохождении сейчас на Украине процесса реституции (возвращения незаконно отобранной в прошлом собственности потомкам законных владельцев). В связи с этим нам хотелось бы узнать, сможет ли организация "Всемирный клуб одесситов" предоставить нашему каналу контакты да-роиссы Елены Швахейм, урожденной Рено, которая несколько лет назад претендовала на возвращение в свою собственность дачи да-роиса Рено. Тем самым вы бы оказали нам большую услугу. Заранее спасибо!

Продюсер ТК "Россия 24"

Максим Никольский.

Олег ГУБАРЬ

КТО, ГДЕ, КОГДА, КАК и ЗАЧЕМ СОЗДАВАЛ ОДЕССУ?

Вывранный из контекста любой, даже самый яркий фрагмент истории города останется не более чем любопытной картинкой, если не понимать сущности устройства Одессы и ее эволюции на протяжении многих десятилетий. Не вдаваясь в некоторые частности, попытаюсь объяснить цели и обстоятельства "Одесского проекта".

К последней четверти XVIII столетия сложилась ситуация, при которой Россия не имела возможности осуществлять прямые морские внешнеторговые операции с Левантом, Средиземноморьем. С другой стороны, морская торговля на Балтике была монополизирована Англией. Что это означало на практике? Это означало, что британские морские коммерческие конторы занимались реэкспортом российских товаров, то есть, выражаясь вульгарно, накручивали цены на российские изделия и сырье. При этом английские купцы имели возможность, к примеру, придерживать, консервировать эти товары, дожидаясь увеличения спроса, а то даже искусственно создавать дефицит. Короче говоря, заниматься всевозможными финансовыми аферами и биржевыми спекуляциями, в чем, конечно, нет ничего необычного и даже предосудительного: в торговле, как и в политике, у каждого свои интересы.

В то же время не только Россия, но и страны южной Европы, прежде всего — Франция и Италия, были заинтересованы в установлении прямых торговых отношений через черноморские порты. Подобного рода пожелания озвучивались, скажем, французским премьер-министром еще в 1776 году, а далее даже Бонапартом. Позднее в российское правительство поступил проект создания в Генуе коммерческой компании для осуществления прямой торговой связи с черноморскими портами, с обеспечением оной компании рядом привилегий.

Оставляя в стороне довольно сложный политический расклад соответствующей эпохи, отметим лишь несколько существенных для хотя бы схематичного понимания ситуации обстоятельств. В результате русско-турецких войн к началу 1790-х годов к России отошло уже почти всё Крымское ханство. Не надо думать, что оно ограничивалось одной Тавридой. Ханство, по существу, занимало всё Северное Причерноморье, то есть значительную часть современной Украины, и присоединилось к России в ходе ряда военных кампаний по частям, начиная с Приазовья. При этом нынешняя Одесса и значительная часть области находятся в пределах бывшей Едисанской Орды, а присоединенное позднее междуречье Днестр-Дунай — в пределах Буджакской. Татарские поселения, по существу, носили сезонный характер, строились из сырцового кирпича. Поселения городского типа создавались как центры эйялетов — административно-территориальных единиц Османской Порты. В них пребывали турецкие гарнизоны и администраторы. Татары занимались преимущественно скотоводством, а потому огромный регион на самом деле представлял собой Дикое Поле.

Меж штурмом Хаджибея и началом застройки будущей Одессы хронологическое пространство в пять лет. В этот период функциональное назначение его мало изменилось — с той лишь разницей, что вместо турецкого флота тут базировался

сформированный Хосе (Иосифом Михайловичем) де Рибасом российский гребной флот, снабженный экипажами главным образом из греков и арнаутов (православных албанцев) — добровольцев, участников средиземноморских походов русского военного флота. Вместе с тем Хаджибей продолжал играть роль небольшой морской торговой фактории, каковую исполняли и все его предшественники, начиная с античных времен.

Картина кардинально изменилась после второго раздела Польши (1793), а после третьего (1795) приобрела еще более рельефные в контексте наших интересов очертания. Опять-таки, опуская подробности, остановимся на главном. В результате аннексии обширных польско-литовских территорий Россия и будущая Украина (пишу эти строки и тихо улыбаюсь, вспоминая претензии в свой адрес по поводу того, что не могу разобраться в современной политической ситуации: ха-ха-ха!) получили то, что называют житницей Европы, колоссальные черноземные регионы, прежде всего — Подолье. Как было раньше? Сельхозпродукция отсюда вывозилась в балтийские порты, а далее, как водилось, подключался "всемирный перевозчик", Англия. Теперь же открывалась возможность обратит этот поток на юг, в черноморские порты России. Здесь — один из ключевых моментов "Одесского проекта". Неожиданно крошечный захолустный портопункт стал обретать черты порта мирового значения.

Повторюсь: Одесса состоялась благодаря аннексии Российской империей Крымского ханства (приморье) и колоссальных территорий Польши (черноземье). Выдающийся американский исследователь, автор крупнейшей монографии по истории нашего города Патрисия Херлихи назвала этот альянс "меркантильным браком Черного моря с черноземьем".

А далее как раз следует остановиться на деталях: ведь открывающиеся перспективы могли и не реализоваться, ибо реализация задуманного упиралась в серьезные проблемы и препятствия, о которых сегодня мало кто знает. О дефиците воды и этимологической легенде АССЕДО слышаны многие. На самом деле это далеко не самое худшее. Даже в самом татарском, а по существу — интернациональном (здесь обитали и греки, и армяне, и евреи, сюда наведывались русские купцы и др.), посаде пользовались естественными выходами подземных вод в приморской зоне и даже кооптировали эти источники керамическими трубами. Воду можно было добывать неглубокими колодцами в Карантинной и Военной балках, не говоря уже о Водяной. Разумеется, всё это было связано с известными затруднениями, но куда более сложной была проблема дефицита строительных материалов и топлива.

Известняк приходилось добывать, что называется, с кровью, немало камнерезов погибло в обрушениях, от непосильного труда и болезней. Строительный лес приходилось сплавлять по рекам, а затем вдоль черноморских берегов — до так называемой Лесной пристани, находившейся близ нынешнего Пересыпского моста. Лесные склады простирались отсюда по побережью до обрыва под Одесским художественным музеем и несколько дальше. В качестве топлива приходилось использовать кизяк и сухую степную растительность. Остро не хватало рабочих рук — уже хотя бы по той простой причине, что людей негде было разместить и трудно было содержать. Поэтому первыми строителями были мастеровые из дислоцировавшихся тут войск. Не хватало тягловой силы — не только как таковой, но, опять-таки, из-за сложностей, связанных с ее содержанием. Требовались специалисты разного профиля и в целом гуманитарные ресурсы, не говоря уже о материальных.

Отдельную проблему представлял полуоткрытый Одесский залив: необходимо было устраивать дорогостоящие гидротехнические сооружения. Стоявшие в гавани суда, случалось, срывало с якорей и выбрасывало на берег. Сама береговая зона интенсивно подвергалась абразии. Серьезной проблемой были различные геодинамические процессы: оползни, просадки, крип — не зря Одессу именуют букетом инженерно-геологических неприятностей. Дефицит воды сопровождался довольно засушливым климатом, постоянными военными и эпидемиологическими угрозами. Короче говоря, более неудобное место для устройства города и порта как будто и найти непросто. Говорят, что Питер построен на костях, но там, по крайней мере, не было недостатка воды, да и с лесом без особых проблем, не говоря уже о рабочей силе...

Что же все-таки позволило Одессе состояться? При всех многочисленных негативах были и важные позитивы. Во-первых, "настоящее место" с античных еще времен: предшественников у города, как свидетельствуют тексты древних авторов и археология, было немало. А свято место пусто не бывает. Серединное положение меж дельтами крупных рек, по которым к морю доставлялась немалая часть различных грузов: с одной стороны — Днестр и Дунай, с другой — Днепр и Южный Буг. Кроме того, практически незамерзающая гавань, в перспективе удобная для строительства большого порта. Сюда же следует приплюсовать личное расположение верховной власти к автору проекта. Всего этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы запустить реализацию. Серьезную роль сыграло и то обстоятельство, что в 1790-х здесь была ближайшая к Аккерману военная гавань и крепость, важный стратегический форпост.

Не прошло и двух десятилетий, как военная функция юной Одессы сошла на нет, уже в 1811 году ликвидирована Одесская крепость, переданная портовому карантину. Дальнейшее развитие города пошло преимущественно коммерческим путем, тем не менее, изначальное назначение и сегодня фиксируется элементами плановой застройки. Торговая ориентированность Одессы диктовала создание соответствующей инфраструктуры, и это тоже отменно запечатлено в истории плановой застройки и городской топонимии. Впрочем, тут мы подходим к теме отдельного обстоятельного разговора.



Ростислав АЛЕКСАНДРОВ

"Познайте лик благотворителя вашего..."

Когда говорят о графе Александре Ланжероне, первым делом вспоминают, что при нем ввели порто-франко и открыли Ришельевский лицей. В тени этих событий осталось многое, что граф еще сделал, не успев закончить, не успев начать, но очень хотел, чтобы это сделали.

20 сентября 1822 года, оставив высокую должность, Ланжерон на заседании Одесского комитета, который заведовал всеми городскими делами, говорил добрые слова в память о покойном Дюке: "Сердца признательные и начальство внимательное к той твердой основе, на коей поставил он Одессу своим отеческим управлением, дадут неоспоримо священный обет соорудить дюку де Ришелье памятник, достойный сего редкого друга человечества". С того самого времени этот обет стал преемственным для одесских властей имущих.

Через три года после наименования улицы Ришелье открыли Ришельевский лицей, в пользу которого герцог отписал изрядную сумму. Это были своего рода памятники при жизни, предшествовавшие тому памятнику, о котором первым заговорил Ланжерон. Конечно, памятник еще не есть память, это, скорее, бронзовый символ памяти, но без него она с течением времени и сменой поколений может растаять, как паруса в морской дали.

17 июля 1822 года преемником Ланжерона стал боевой генерал, кавалер многих орденов Иван Инзов. Передавая дела Инзову, Ланжерон, возможно, говорил с ним о памятнике Ришелье, поскольку тот чуть ли не сразу обратился к императору Александру I с просьбой разрешить сбор средств на сооружение одного, которое и было получено. Инзов лишь десять месяцев управлял Новороссийским краем, но за это время претворению в жизнь идеи графа Ланжерона начало положил.

21 июля 1823 года в Одессу приехал назначенный новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бессарабской области граф Михаил Воронцов и уже в конце года обратился к выдающемуся скульптору-монументалисту академику Ивану Мартосу с предложением за сорок тысяч рублей принять на себя изготовление памятника герцогу Ришелье для Одессы.

Мартос отписал Воронцову свое согласие, намерение работы по ее изготовлению завершить через полтора года, а эскиз скульптуры и пьедестала представить "по сделанию" их. А еще он не без гордости сообщал, что вся скульптура "будет отлита из бронзы, не из составных частей, как то делают во Франции и в других местах, но вся цельная, вылитая в один раз и отделанная во всех частях в возможном совершенстве". Такое не все умели, но работы Мартоса отливал в бронзе искуснейший мастер этого дела Якимов, который участвовал и в отливке Медного всадника.

В архитекторы памятника определили академика Академии художеств Авраама Мельникова, который приходился Мартосу зятем, но не о пресловутой семейственности может идти речь, а о творческом содружестве мастеров. И при проектировании памятника соавтором Мельникова, руководителем работ по его установке и членом составленной для этого комиссии был архитектор Боффо.

Кроме него туда входили достойные люди, большинство которых не просто жили с Дюком на одном отрезке одесского времени, но были связаны с ним знакомством, службой или дружбой. Известный археолог, член-корреспондент Академии надписей и изящных искусств в Париже, керчь-еникальский градоначальник Иван Стемковский — единственный, кто 27 сентября 1814 года в качестве

адъютанта сопровождал уехавшего из Одессы Ришелье. Негоциант, основатель одного из первых в Одессе банковских домов барон Жан Рено. Коммерции советник Карл Сикар, автор книги "Письма об Одессе", близкий друг Ришелье, добрый знакомый А.С. Пушкина. Купцы 1-й гильдии: городской голова, коммерции советник Филипп Лучич, бывший городской голова, потомственный почетный гражданин Иван Амвросио, домовладелец Алексей Попов, один из первопоселенцев Одессы, подрядчик и благотворитель Семен Андросов. Купец, член исполнительного комитета Одесского греческого филантропического общества Александр Мавро.

Работы и заботы о сооружении памятника были, конечно, вне поля зрения одесситов. Первым же публичным этапом этого 30 июля 1827-го стала закладка памятника в центре нынешнего Приморского бульвара, устройство которого началось при Ланжероне. Еще не разрослись там до спасительной тени деревья, посаженные городским садовником Гансом Германом, не было лестницы и биржи, но уже ласкали взгляд только что построенные или строящиеся полуциркульные здания, дома и дворцы.

К 10 часам утра сюда прибыли духовенство, временно состоявший в должности градоначальника действительный статский советник Степан Могилевский, гражданские чиновники, члены комиссии по строительству памятника, директор Ришельевского лицея доктор медицины Иван Орлай, профессора и воспитанники лицея, именитые купцы, консулы иностранных государств, множество других людей. Главные участники церемонии расположились на возвышении возле котлована, в котором уже был устроен фундамент. После молебствия и освящения места будущего памятника духовные и начальственные лица спустились в котлован и в углубление самого большого камня уложили то, чему предназначено было оставаться там все остальные времена. Положены были монеты, чеканенные во Франции и России при Людовике XVI, Екатерине II, Павле I, Александре I и Людовике XVIII, которым Дюк имел честь и верность служить за последние пятьдесят шесть лет своей жизни, и несколько серебряных российских монет 1827 года. Помимо монет положили выпущенную на Санкт-Петербургском монетном дворе медаль "В память коронации императора Николая I 22 августа 1826 года" и другую, которую привезли из Парижа.

К выпуску этой бронзовой медали вскоре после смерти Дюка усердие и деньги свои употребил состоявший ректором Парижской академии первый директор Ришельевского лицея, давний, школьный приятель Ришелье аббат Доминик Николь. На лицевой стороне медали было рельефное профильное изображение герцога в мундире первого министра Франции, с наградами, надписи "Арман Дюплесси герцог де Ришелье пэр Франции", подписи автора "Дьедонне" и "Сделал и издал". На оборотной стороне — одна надпись "Основатель Одессы в 1803 году. Цивилизовал Крым. Первый министр короля Франции в 1814. Освободитель своего отечества на Ахенском конгрессе. Родился в Бордо в 1766. Умер в Париже в 1822". Надписи исполнены на французском языке, но ошибка — она и на французском ошибка. При всем преклонении перед памятью о Ришелье — нужно признать, что он не основал Одессу в 1803 году, а по рескрипту императрицы Екатерины II в 1794-м это сделал адмирал Иосиф де Рибас. Другое дело, что когда Ришелье прибыл в Одессу, она была, скорее, названием, нежели городом. И оставлял он город, где жителей было уже

тридцать пять тысяч и Городской театр виднелся с моря на подходе к гавани. Стало быть, аббат Николь, который, скорее всего, сочинял надписи на медали, в переносном смысле был не так уж далек от истины.

Нишу, в которую уложили монеты и медали, накрыли медной закладной доской с подобающей такому случаю надписью (публикуется с сохранением орфографии оригинала): "Лета 1822, в Царствование Императора АЛЕКСАНДРА I, при Новороссийском Генерал-Губернаторе Генерале от Инфантерии Графе Ланжероне, и Одесском Градоначальнике Графе Гурьеве, жители города Одессы и губерний: Екатеринославской, Херсонской и Таврической, в ознаменование благодарности своей к незабвенным трудам Герцога Эммануила де Ришелье, родившегося в Париже 14/25 Сентября 1766, управлявшего Одессою с 1803, а Губерниями Новороссийскими с 1805 и по 1814 год, положившем основание благосостоянию сего города и края мудрым и отеческим попечением, скончавшегося в Париже 5/17 Мая 1822, единодушным движением определили соорудить сей памятник, с бронзовым его изображением, посредством добровольных приношений от всех сословий. Предприятие сие совершено, и сей основной камень памятника положен в Царствование Императора НИКОЛАЯ I, лета 1827 Июля 30, при Новороссийском Генерал-Губернаторе Генерале от Инфантерии Графе Воронцове, а за отсутствием, при правящем его должности Одесском Градоначальнике Тайном Советнике Графе Палене, и при правящем должности Градоначальника Действительном Статском Советнике Могилевском. Членами Комиссии о сооружении памятника были: Полковник И. Стемковский, Коммерции-Советники: Барон И.Рено, К. Сикард, и Ф. Лучич; Одесские купцы И. Амвросио, А. Попов, С. Андросов и А. Мавро. Статуя и барельефы работы Ректора Императорской Академии Художеств, Действительного Статского Советника И. Мартоса; из бронзы отлиты в С.Петербурге Академик Якимов. При сооружении памятника находился Одесский Архитектор Боффо".

Текст доски, гравированный по всем правилам тогдашнего правописания, уважительного к высоким особам, их должностям, званиям и титулам, являет собой "биографию" первого памятника в Одессе.

Когда доска была уложена, протоиерей собора Нестор Селинов сын Святенков говорил речь, в которой, по словам слышавшего ее, "изобразил высокие качества покойного герцога и благотворное действие его управления, память которого предназначено увековечить воздвигаемым ныне монументом".

После закладки газета "Одесский вестник" не замедлила сообщить читателям о том, что надеется еще в нынешнем году известить их о "сооружении и открытии памятника, весьма близкого к окончанию". Действительно: закладка памятника была, скорее, данью традиции, нежели началом его создания. К тому времени скульптура Дюка уже была отлита Якимовым и обработана Мартосом в Петербурге. В Одессе каменных дел мастер из местных итальянцев Пьетро Дженаери заканчивал работу над постаментом, который через короткое время был поставлен там, где ему надлежало стоять.

А бронзовая скульптура, тщательно запеленатая рогожами и надежно закрепленная канатами, на четырехосной крытой повозке повторила путь в 1726 верст из Петербурга в Одессу, который двадцатью четырьмя годами раньше проделал Дюк. По словам Мартоса, "фигура герцога Ришелье изображена

в момент шествующим, правою рукой показывает на наполненное кораблями Черное море, а левой рукой держит хартию, которая есть атрибут великих подвигов и добродетелей". Момент этот был выбран в полном правдоподобии, поскольку Дюк неизменно пребывал в движении телесном и умственном, без чего не видел бы то, что имел интерес видеть, и не сделал бы то, что сделал.

Дюк изображен в тоге, в складках которой на левом его боку прячется короткий римский меч, о чем даже не все одесситы знают, не говоря уже о приезжих. Если же, к примеру, с помощью вышки для ремонта электрических проводов оказаться со скульптурой, что называется, лицом к лицу, можно заметить, что лицо Дюка несколько удлинено, и это не есть ошибка или недосмотр. С давних пор авторы монументальной скульптуры, принимая в расчет точку, с которой ее будут рассматривать, удлиняли верхнюю часть тела, в первую очередь — лицо, чтобы снизу вследствие оптического эффекта оно не представлялось уменьшенным.

24 сентября 1827 года скульптуру водрузили на пьедестал, который Мартос предлагал из гранита, добытого в Полтавской губернии. Но херсонский помещик Скаронинский подарил комиссии по сооружению памятника гранит из карьеров возле местечка Трикраты в 15 верстах от Вознесenska. Отказаться от такого смысла не было, Дженаери свое дело знал не хуже полтавских каменотесов и пьедестал сделал из этого гранита. Установили же его не совсем так, как это предусмотрел Мартос. Боффо посчитал, что памятник должен стать центром архитектурного ансамбля, который будет включать и два полуциркульных здания, но для этого высота его окажется недостаточной. К тому же Екатерининская площадь имела уклон к бульвару, порт был много ниже бульвара, а потому памятник будет лучше смотреться с обеих сторон, если высоту его увеличить. Комиссия согласилась с Боффо, и постамент был поставлен не прямо на землю, а поднят над нею на четыре ступени.

На каждой из четырех граней пьедестала Дженаери вырубил неглубокую нишу, в трех из которых установили горельефы "Торговля", "Земледелие" и "Правосудие".

Торговлю представляет ее древнеримский бог-покровитель Меркурий — полуобнаженный стройный молодой человек в крылатом шлеме, с кадуцеем в правой руке и мешочком с монетами в левой. У его ног лежат два тюка с товарами и мешок, из которого высыплются монеты, а позади виден силуэт корабля как привязка к портовому городу Одесса.

Земледелие символизирует древнеримская же богиня плодородия, произрастания и созревания злаков Церера, изображенная в образе красивой молодой женщины, изящно задрапированной в одеяние, которое не скрывает то, что грешно скрывать. Слева от нее — рог изобилия и лопата, а у ног лежат колосья пшеницы, торговля которой обогащала Одессу.

Правосудие олицетворяет древнегреческая богиня Фемиды — лицом и прической похожая на Цереру и столь же молодая женщина, на которую честному человеку мужского пола смотреть только приятно. В грациозно изогнутой правой руке она держит весы, левой же опирается на каменный массив, незыблемый, каким должно быть правосудие. А на глазах ее нет повязки и не должно быть, поскольку она имеет только на скульптурах древнеримской богини Юстиции, которую мы частенько принимаем за Фемиду. Справа от Фемиды стоит страус, что есть уже образ из мифологии Древнего Египта, где перо этой птицы было атрибутом богини истины и пра-

ВИДЫ ПРИМОРСКОГО БУЛЬВАРА ИЗ ПРОЕКТА "СТАРАЯ ОДЕССА В ФОТОГРАФИЯХ"





восудия Маат. Изобразив Фемиду вместе со страусом, Мартос ничего не придумал, такое можно увидеть и на картине неаполитанского художника Луки Джордано конца XVII века.

Много позже — по словам старожилов, это случилось в конце 1930-х годов — горельеф "Правосудие" украли. Потом началась война, потом началось "после войны", и несколько десятилетий на постаменте памятника со стороны Екатерининской площади пустая ниша напоминала об исчезнувшем горельефе. Утрата правосудия в любом его виде сама по себе печальна. Но в этом случае слабым утешением стала появившаяся возможность в прямом смысле слова прикоснуться к одной из страниц истории Одессы в целом и памятника в частности. В Страстную субботу 10 апреля 1854 года, во время Крымской войны, соединенная англо-французская эскадра бомбардировала Одессу и Приморский бульвар буквально забросала ядрами. Одно из них угодило в ребро постамена памятника между горельефами "Земледелие" и "Правосудие" и отбило кусок гранита. Дабы не стерлась память об этом грустном событии, сделали пустотелую копию ядра и железной пластиной с вырезанной на ней надписью "Стр. Суб. 1854" прикрепили в месте его попадания. И еще много последующих лет малолетние одесситы со слов бабушек и дедушек знали об этом, а Валентин Катаев в книге "Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона" даже написал: "Больше всего меня тревожил вопрос: куда девался осколок гранита, отбитый бомбой? Бомба нашлась, а где осколок гранита? Он должен быть где-то здесь, поблизости. Я был уверен, что найду его среди крупного, отборного морского гравия, которым щедро посыпали дорожки Николаевского бульвара и в особенности площадку вокруг Дюка". Куда девался вождь для Катаева осколок, никто не знал, но, когда не было горельефа, можно было завести руку в зазор между постаментом и железной пластиной и нащупать скол гранита — каменный "автограф" бомбардировки 1854 года.

Потом отыскали фотографию утраченного горельефа, сделали его копию, навели патину и вернули туда, где его привыкли видеть одесситы и разглядывать приезжие. Но ни тем, ни другим не ведомо было, что первоначальным своим появлением он обязан графу Воронцову. Мартос хотел украсить постамент лишь горельефами "Торговля" и "Земледелие", о чем сообщил Воронцову. А граф попросил его добавить горельеф "с изображением в аллегорическом виде Правосудия, который отличался покойный герцог Ришелье и без которого ни торговля, ни земледелие не могли процветать". И скульптору пришлось

отказаться от намерения поставить на том месте бронзовую доску, такую же, как на лицевой, обращенной к морю, стороне памятника, только с надписью на французском языке.

Бронзовая же доска с надписью на русском языке была позолочена старинным, теперь не применяющимся способом огневого золочения, почему позолота, неподвластная времени, автомобильным выхлопам и атмосферной влаге, еще хорошо сохранилась. И надпись на доске этой можно легко прочитать (орфография оригинала): "ГЕРЦОГУ ЕММАНУИЛУ ДЕ РИШЕЛЬЕ УПРАВЛЯВШЕМУ С 1803 ПО 1814 ГОД НОВОРОССИЙСКИМ КРАЕМ И ПОЛОЖИВШЕМУ ОСНОВАНИЕ БЛАГОСОСТОЯНИЮ ОДЕССЫ БЛАГОДАРНЫЕ К НЕЗАБВЕННЫМ ЕГО ТРУДАМ ЖИТЕЛИ ВСЕХ СОСЛОВИЙ СЕГО ГОРОДА И ГУБЕРНИИ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ХЕРСОНСКОЙ И ТАВРИЧЕСКОЙ ВОЗДВИГЛИ ПАМЯТНИК СЕЙ ВЪ 1826 ГОДЕ ПРИ НОВОРОССИЙСКОМ ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРЕ ГРАФЕ ВОРОНЦОВЕ".

Эта надпись ввела в заблуждение даже историка Аполлона Скальковского, который приехал после открытия памятника и в изданном в 1837 году труде "Первое тридцатилетие истории города Одессы" написал, что он был открыт в 1826 году. Проходит все, забывается многое, и теперь можно лишь предположить, что доска с надписью, равно как скульптура и горельефы, скорее всего, была готова в том году, в котором и предполагалось открытие памятника, но его пришлось отложить из-за частых отлучек Воронцова. В конце мая он отбыл за границу. С июля по октябрь граф был в Аккермане, который еще не носил нелепое название Белгород-Днестровский, где возглавлял делегацию на переговорах с Турцией. В январе 1827 года Воронцов вместе с супругой Елизаветой Ксавьеровной уже был в Англии, куда отправился навестить отца, откуда через Брюссель и Берлин приехал в середине октября, но не в Одессу, а в Петербург. А памятник, законченный всеми работами, стоял, накрытый пологом.

Его заложили, когда Воронцова в Одессе еще не было, а исполнявший его должность граф Федор Пален десятью днями раньше уехал обозревать губернии. Но открывать памятник в отсутствие Воронцова было негже не только потому, что он состоял высшим начальствующим лицом в крае, но потому, что работа над памятником началась при его участии и проект согласовал он. В Одессу же Воронцов вернулся лишь 24 февраля 1828 года. Какое-то время, наверное, потребовалось, чтобы принять дела у Палена, который сложил свои временные полномочия.

18 апреля 1828 года, наконец, было объявлено, что открытие памятника имеет быть

в субботу, 21 апреля, в день тезоименитства Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны. Но к этому дню приурочить торжественное событие не удалось, поскольку в пятницу небо заволочло тучами, а с утра субботы пошел дождь и продолжался до самого вечера. Но 22 апреля природа улыбнулась ясной погодой, и после божественной литургии в Преображенском соборе начавшиеся гражданские и военные чины прибыли на бульвар, где собралось множество людей, среди которых уже были те, которые родились в этом городе, выросли, имели своих детей и стали родоначальниками семейств коренных одесситов. Перед памятником в торжественном строю застыл батальон Уфимского пехотного полка, по углам легкой решетки, окружавшей памятник, развевались российский, английский, французский и австрийский флаги.

Когда все заняли предназначенные им места, зачитали императорское повеление, "дозволяющее одесским жителям соорудить памятник мудрому и добродетельнейшему правителю, положившему незыблемое основание благоденствию Южной России". Проникновенно звучали слова протоиерея Петра Куницкого (сохранена орфография источника): "Коль преславное, коль знаменитое и многочисленное собрание украшает ныне место сие, на берегу Понта Эвксинского, в круге небосклона одесского! Что виною толикоохотного поспешения сюда разных чинов и достоинств, разного пола и возраста лиц? Я вижу: взоры всех обращены на сие покровенное возвышение. Да снимется покров, и узрим, что кроется под оным, узрим предмет общего внимания". На этих словах протоиерея грянула пушечная пальба с ошвартованных в гавани кораблей, упало покрывало, и бронзовый Дюк впервые глянул на голубые воды Одесского залива. "Так, это он! Это незабвенный благодетель Одессы Эммануил Осипович дюк де Ришелье! — продолжал протоиерей. — Граждане Одессы! Познайте лик благотворителя вашего, укажите его чадам вашим и чадам чад ваших, поведаете им в потомственное предание вся, елико сотвори муж сей для вас во дни правления своего. <...> Монарх благосердечнейший избрал мужа по сердцу своего, знаменитого по происхождению и великого по душе, Герцога Эммануила Осиповича дюка де Ришелье для восстановления и утверждения падающего града. <...> Тако благодетельный муж, оправдав выбор Великого Монарха, в короткое время мудрыми распоряжениями и неунынным попечением поставил Одессу на ряду со многими цветущими торговлею и устройством городами. И чего он только ни сделал во дни своего здесь правле-

ния, по мере возможности? Первые Божественные храмы его содействием воздвигнуты, святилища наук его попечительностью и пожертвованием основаны, пристанища для мореходцев его деятельностью утверждены, сухие окрестности града, быв дотоле лишены всяких древесных насаждений, по его примеру и настоянию обратились в приятные рощи и плодородные сады, и прочие благоугодные и общепользные заведения при нем восприяли свое начало. Словом, никакой отец семейства не может иметь лучшего попечения о детях своих, какое имел муж сей о пользах и выгодах граждан Одессы. <...> Торжеству добродетели! Твои питомцы веки живут в сердцах признательного потомства и в памятниках, благодарностью воздвигаемых. Красуйся, Одесса, новым украшением! Веселись и радуйся, взирая на памятник, достойно воздвигнутый благодетелю твоему, и буди счастлива продолжением правления подобных строителей благоденствия твоего, совершенствующих оное новыми благородными зданиями — новым общепользным устройством; да и их лики возвеличат украшение твое во время свое..."

Потом взволнованный Карл Сикар говорил речь на французском языке, профессор Ришельевского лицея Павел Архангельский — на русском, а профессор итальянской словесности лицея Антон Пиллер — на итальянском. После речей, отдавая воинские почести генерал-лейтенанту герцогу Ришелье, вокруг памятника церемониальным маршем прошел батальон Уфимского пехотного полка, и на этом церемония закончилась.

В час полудни генерал-губернатор дал торжественный завтрак для официальных лиц, на котором после ритуального первого тоста за здоровье императора и всего августейшего дома вторым почтили память дюка де Ришелье. Вечером пьедестал памятника был иллюминирован фонариками, в которых, потрескивая, сгорали фитили, погруженные в очищенное конопляное масло, и люди все приходили и приходили по собственной воле своей...

Семьдесят пять лет пролетело над морем, городом и памятником, когда в городскую думу поступила бумага, которую не то чтобы подсухо положить, но задержать ее исполнение ни у кого не хватило бы ни совести, ни желания (сохранена орфография оригинала): "В виду исполнившегося 9.03.1903 г. столетия со времени прибытия в Одессу приснопамятного герцога де Ришелье Императорское Одесское Общество Истории и Древностей ходатайствует перед одесским. Городским Общественным управлением о том, чтобы оно увековечило память об этом событии помещением на том месте, где находилось жилище герцога в Одессе (городской дом на углу Ришельевской улицы и Ланжероновского переулка (Ланжероновской улицы, — Р. А.)) мраморной доски с обозначением о том, что здесь жил дюк де Ришелье в 1803 — 1814 годах. Председательствующий совета Э. фон Штерн, секретарь Ал. Маркевич". Правда, Ришелье не сразу поселился в доме на углу Ришельевской и Ланжероновской, но потом жил и работал там до самого отъезда. 26 марта городская управа сообщила думе, что она (сохранена орфография оригинала) "вполне разделяет мнение Императорского Одесского Общества Истории и Древностей и находит необходимым прибить мраморную доску на доме где жил дюк де Ришелье". Тут по ходу переписки вкралась еще одна неточность: доску предполагалось установить, как указывалось в ходатайстве Общества, на принадлежавшем городу доме, который был построен на месте снесенного дома Ришелье и сдавался в аренду под гостиницу с несчастливым названием "Ришелье". Дума на заседании 28 марта постановила "для увековечения памяти исполнившегося 9-го сего марта столетия со времени прибытия в Одессу герцога де Ришелье прибить мраморную доску с соответствующей надписью на доме, в котором жил дюк де Ришелье". Неточность опять всплыла, но главное — память. А она по-разному может проявляться. Когда молодая мама, демонстрируя эрудицию своего маленького сына, просит: "Мишенька, покажи, где дядя Дюк", — и Мишенька протягивает ручку в сторону памятника, это тоже память. В неповторимом одесском варианте.

"СТАРАЯ ОДЕССА В ФОТОГРАФИЯХ": WWW.VIKNAODESSA.OD.UA



Евгений ДЕМЕНОК

ОДЕССА — ЮГО-ЗАПАД ИМПЕРИИ ИЛИ СЕВЕРО-ВОСТОК СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Все мы привыкли к тому, что живём не в обычном городе. К тому, что Одесса — город не первый, но и не второй. Южная столица. Южная Пальмира. Меня и самого всегда подмывает закончить эту расхожую фразу именно так: "Уважаемые одесситы и гости... столицы".

Чему же обязана Одесса такой славой? Конечно же, одесским мифам, которые обобщённо можно назвать мифом об Одессе.

Миф этот состоит из множества составляющих, часть из которых более известна самим одесситам и гостям столицы, часть — менее известна, а ещё часть и вовсе известна только "узкому кругу ограниченных лиц", а именно краеведам и заядлым одессофилам. Нет, они не страшно далеки от народа, но подбираться поближе обязательно нужно.

Да, перед тем как начать вспоминать расхожие мифы, вспомним ключевой: "Миф об Одессе больше самой Одессы". Миф это или всё же правда — пусть каждый решит для себя сам.

По моему — и не только моему — мнению, большинство одесских мифов не то чтобы совсем утратило актуальность, но очень к этому близко.

Например, миф о том, что Одесса — еврейский город.

Увы, статистика говорит об обратном.

Если в конце 30-х годов прошлого века более трети населения Одессы были евреями, а в конце 80-х в миллионном городе каждый четвёртый имел в паспорте пятую графу, то сегодня евреев и сочувствующих всего-навсего около 30 тысяч. Это всего три процента населения города.

Цифра эта повергает в шок моих друзей из других городов и стран. Все до сих пор уверены, что каждый второй одессит — еврей. Увы, это не так.

Да-да, три процента.

А ведь большинство одесских мифов так или иначе родились именно под влиянием "еврейской" Одессы. Это во многом и "одесский язык", совершенно естественно возникший у людей, основным языком для которых был идиш; но в него же вошли слова греческие, немецкие, французские...

Это и "бандитская Одесса" — достаточно вспомнить, кем были по национальности Мишка Япончик и Сонька Золотая Ручка. Или прообраз борца с бандитизмом Давида Гоцмана — Давид Курлянд. Ну и, конечно же, одесский юмор в основном создавался и создаётся вы сами знаете, кем.

Сегодня той еврейской Одессы уже нет.

Оставшиеся сегодня три процента при всем желании не смогут оказать такое влияние на город, как это было раньше. Тем не менее, мы всё ещё "питаемся" остатками этого мифа. Вернее, двух мифов — о еврейской Одессе и о великом исходе евреев из Одессы. Достаточно посмотреть на спектакли, которые идут сейчас при полных залах: "Ураган по имени Одесса", "Ехать надо"... И так уже двадцать пять лет, с конца 80-х, когда был создан муниципальный театр "Ришелье". Какой спектакль бил тогда все рекорды популярности? "Тихо! Ша! Мы едем в США!". Кстати, вынужденный исход сопутствовал итальянцам и грекам, французам и полякам. И не всегда по своей воле.

Почти сто лет эксплуатировать одну тему? Позвольте. Это уже слишком.

Следующий миф: Одесса — столица юмора.

Этот миф был рождён в удушливой атмосфере Российской, а затем и советской империи, в которой Одесса была одним из самых свободных городов. Юмор — это всегда свобода. Недаром именно одесситы столько раз становились победителями КВН. Недаром в Одессе родилась Юморина — и её даже запретили, слишком уж смелой она была.

С распадом империи и статус столицы юмора начал меркнуть. Кого сегодня интересует КВН? А Юморина? Это, в первую очередь, праздник для приезжих и детей. Одесситы в этот день стараются уехать из города.

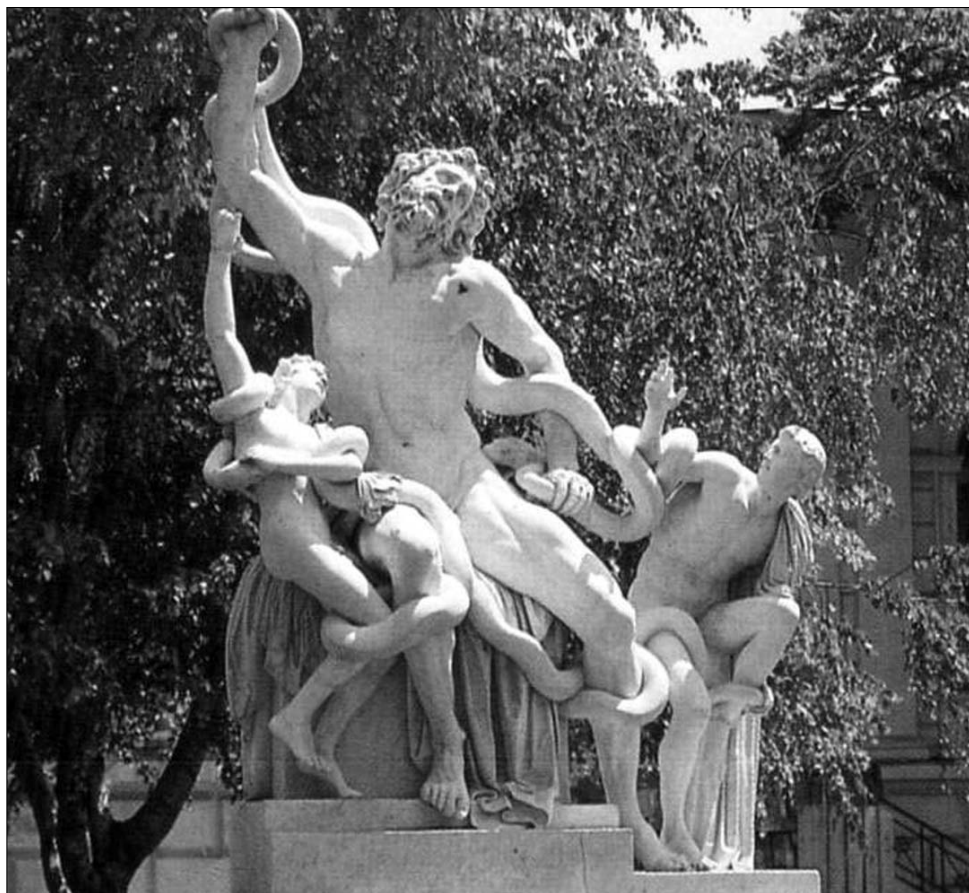
Юморина — прекрасный праздник, и нужно сделать его привлекательным для всех. Превратить в уличный фестиваль, который идет несколько дней. Как и День города. Одессе нужны такие фестивали.

В Чикаго, например, почти каждый уикенд несколько кварталов в разных частях города делают пешеходными и проводят стрит-фесты — уличные фестивали. Стрит-фест — это много концертов и шоу под открытым небом,

где каждый желающий может выступить или стать зрителем. Это большой праздник с хорошей музыкой и едой. Можно попробовать делать такое и у нас — глядишь, и музыканты появятся. Ведь из наших легендарных рок-групп конца восьмидесятых и начала девяностых никого уже почти не осталось.

Жив ли одесский юмор сегодня, или миф уже больше действительности? Если судить по авторам одесского юмористического журнала "Фонтан", среди которых одесситы находятся в подавляющем меньшинстве, пациент, скорее, мёртв. Понимаю, что за эту крамольную фразу меня забросают гнилыми помидорами, и, тем не менее пишу её. На самом деле пациент, скорее, жив, но его жизнь всегда нужно поддерживать. Нужны новые имена — а их нет уже давно.

Не только миф об одесском юморе — большинство других одесских мифов выстраивались как противодействие империи.



Однако империи больше нет. Нам нужно существовать в новых условиях. И искать свое место уже в рамках как минимум европейских. "Здесь всё Европой дышит, веет..." И вот удивительная вещь — при изменении точки зрения появляется новая парадигма, новая идея. Если мы смотрим на Одессу в рамках европейских — всё становится на свои места. И тогда Одесса вдруг оказывается не юго-западом бывшей империи, а северо-востоком Средиземноморской цивилизации. В конце концов, многие считают Чёрное море заливом Средиземного.

И тогда становятся понятными и очевидными и одесский характер, и критерии для сравнения, и пути развития. Ведь к Средиземноморской цивилизации принадлежат не только Греция, Италия, Франция и Испания (вспомним, откуда были первые одесские градоначальники, фактически создавшие "золотой век" города), но и Израиль. Совершенно естественно и понятными становятся наши витальность, оптимизм, лень, любовь к красоте — и в том числе к красивой и вкусной еде. Именно то, что было таким привлекательным для граждан большой и преимущественно холодной империи. Собственно, всё это и сейчас сохраняет свою привлекательность.

Такая точка зрения даёт нам возможность ставить перед собой ориентиры. Барселона, Марсель, Тель-Авив — вот наши образцы.

Одесса интересна в первую очередь как мультинациональный город, мультирелигиозный город, "плавильный котёл" в миниатюре. И вот что удивительно — как в Америке, так и у нас этот эксперимент удался!

Может быть, именно поэтому и родился единственный тогда не только в СССР, но и в мире Всемирный клуб одесситов.

Нам важно не потерять статус крупнейшего и самого важного города на Чёрном море. Для этого — сохранять экономическую многофункциональность, не пытаться стать исключительно курортным, туристическим городом. Нам не нужно становиться ещё одной Ялтой или Сочи. В мире нет больших и действительно значимых городов, специализирующихся только на туризме. Туристическому городу не нужны университеты — а значит, наука в нем умирает.

У любых мифов есть замечательное качество — они способны делать лучше. Причём как прошлое, так и будущее. Что бы помнили мы с вами о древних греках, если бы не их мифы? Не случайно в центре Одессы — Лаокоон, а на 9-й станции Большого Фонтана — бык, влекущий Европу. Но миф способен не только украсить прошлое — он способен повлиять на будущее. Настоящий миф животворящий. Но для этого он должен быть планкой вверх.

как значительного музыкального центра — и вообще возродит интерес к одесской музыке. Тогда в нашу консерваторию будут приезжать учиться со всего мира. Тогда будет жива традиция. А это самое главное.

А одесский кинематограф, а одесский спорт...

Именно традиция передачи знаний является основой для появления талантов. Если одесские вузы будут иметь научные школы, могут появиться новые Гамовы и Гамалеи, Хавкины и Бахтины. Важны традиция и... миф. Если каждый ребёнок будет знать, что в нашем городе каждый второй — талант, тогда у нас вырастут новые Ойстрахи и Рихтеры. Егоровы и Хрущи.

Да-да. Одесская художественная школа — одна из лучших во всём постсоветском пространстве. В Товариществе юннорусских художников зарождался русский импрессионизм — недаром Давид Бурлюк называл Костанди импрессионистом. Именно в Одессе появились последовательно три волны авангарда — начиная с одесских независимых в 1910 — 1920-х годах, через одесских нонконформистов в 1960 — 1980-х и придя к трансавангарду в конце 80-х — начале 90-х. Одесситы внесли важнейший вклад и в становление московского концептуализма. А уж сколько великих художников жили, учились и работали в Одессе... Кандинский, Бурлюк, Ларионов, Врубель, Серов... Я уверен, что со временем "Одесса художественная" станет не менее популярной экскурсией, чем "Одесса криминальная". Как, собственно, и "Одесса музыкальная", "Одесса медицинская" и "Одесса морская"...

Мы недавно приняли в члены Всемирного клуба одесситов Николая Авилова. После Яна Железняка это уже второй олимпийский чемпион — член клуба. А ведь среди одесситов — восемнадцать олимпийских чемпионов! И традицию привозить в Одессу золотые медали нужно продолжить. И для этого нужны школа и преемственность. Сколько для этого сделал, например, Борис Литвак — человек-легенда, живший рядом с нами... Еще недавно его личность была реальностью, а сегодня это имя уже миф, но какой животворящий.

Итак, традиция и миф. Искусство и культура. Без культурной составляющей о мифах можно будет вообще забыть — их некому будет создавать и поддерживать.

Важно помнить и понимать, что легендарными могут становиться не только люди, но и определённые места. В Праге, например, огромной популярностью пользуется Ghost tour — экскурсия с привидениями, построенная на богатом материале городских легенд. Эти легенды издаются отдельными сборниками и привязаны к конкретным домам. То же самое нужно делать и нам. Миф должен быть привязан к местности. Почему не проводить "Туры с привидениями" в том же дворце князя Гагарина, рассказывая о призраке, посещающем по ночам залы? А сколько интереснейших легенд вокруг Воронцовского дворца, Художественного музея — бывшего дворца Потоцких. Благодаря таким "мелочам" могут сложиться не только экскурсионные маршруты — мы будем лучше знать историю своего города.

Мифологию Одессы можно преподавать в школах. Пожалуй, не можно, а нужно.

Вообще любой город — это люди и дома. Архитектура. И городские легенды могут и должны быть не только о людях, но и о связанных с ними местах. Помню, как поразил меня ответ моей преподавательницы Business English, приехавшей к нам по обмену из... Бразилии. На мой вопрос — почему именно Одесса, если по гранту она могла поехать куда угодно, она ответила: "Не совсем куда угодно. Мне предложили на выбор Нигерию и Украину. Родители были за Нигерию, потому что Украина — неизвестная далёкая страна. Но мне она была прекрасно известна — я киноман и восхищаюсь фильмами Эйзенштейна. "Броненосец Потёмкин" пересматривала десятки раз. Поэтому, не колеблясь, выбрала Одессу — посмотреть на знаменитую лестницу".

В общем, работы у нас — непочатый край.

Давайте всегда помнить о том, что Одесса — город не первый, но и не второй.

Давайте стараться, чтобы она стала первым.

Давайте поднимать планку.

Мифотворцы всей Одессы, объединяйтесь.

Евгений ДЕМЕНОК

ОДЕССА — ЮГО-ЗАПАД ИМПЕРИИ ИЛИ СЕВЕРО-ВОСТОК СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Все мы привыкли к тому, что живём не в обычном городе. К тому, что Одесса — город не первый, но и не второй. Южная столица. Южная Пальмира. Меня и самого всегда подмывает закончить эту расхожую фразу именно так: "Уважаемые одесситы и гости... столицы".

Чему же обязана Одесса такой славой? Конечно же, одесским мифам, которые обобщённо можно назвать мифом об Одессе.

Миф этот состоит из множества составляющих, часть из которых более известна самим одесситам и гостям столицы, часть — менее известна, а ещё часть и вовсе известна только "узкому кругу ограниченных лиц", а именно краеведам и заядлым одессофилам. Нет, они не страшно далеки от народа, но подбираться поближе обязательно нужно.

Да, перед тем как начать вспоминать расхожие мифы, вспомним ключевой: "Миф об Одессе больше самой Одессы". Миф это или всё же правда — пусть каждый решит для себя сам.

По моему — и не только моему — мнению, большинство одесских мифов не то чтобы совсем утратило актуальность, но очень к этому близко.

Например, миф о том, что Одесса — еврейский город.

Увы, статистика говорит об обратном.

Если в конце 30-х годов прошлого века более трети населения Одессы были евреями, а в конце 80-х в миллионном городе каждый четвёртый имел в паспорте пятую графу, то сегодня евреев и сочувствующих всего-навсего около 30 тысяч. Это всего три процента населения города.

Цифра эта повергает в шок моих друзей из других городов и стран. Все до сих пор уверены, что каждый второй одессит — еврей. Увы, это не так.

Да-да, три процента.

А ведь большинство одесских мифов так или иначе родились именно под влиянием "еврейской" Одессы. Это во многом и "одесский язык", совершенно естественно возникший у людей, основным языком для которых был идиш; но в него же вошли слова греческие, немецкие, французские...

Это и "бандитская Одесса" — достаточно вспомнить, кем были по национальности Мишка Япончик и Сонька Золотая Ручка. Или прообраз борца с бандитизмом Давида Гоцмана — Давид Курлянд. Ну и, конечно же, одесский юмор в основном создавался и создаётся вы сами знаете, кем.

Сегодня той еврейской Одессы уже нет.

Оставшиеся сегодня три процента при всем желании не смогут оказать такое влияние на город, как это было раньше. Тем не менее, мы всё ещё "питаемся" остатками этого мифа. Вернее, двух мифов — о еврейской Одессе и о великом исходе евреев из Одессы. Достаточно посмотреть на спектакли, которые идут сейчас при полных залах: "Ураган по имени Одесса", "Ехать надо"... И так уже двадцать пять лет, с конца 80-х, когда был создан муниципальный театр "Ришелье". Какой спектакль бил тогда все рекорды популярности? "Тихо! Ша! Мы едем в США!". Кстати, вынужденный исход сопутствовал итальянцам и грекам, французам и полякам. И не всегда по своей воле.

Почти сто лет эксплуатировать одну тему? Позвольте. Это уже слишком.

Следующий миф: Одесса — столица юмора.

Этот миф был рождён в удушливой атмосфере Российской, а затем и советской империи, в которой Одесса была одним из самых свободных городов. Юмор — это всегда свобода. Недаром именно одесситы столько раз становились победителями КВН. Недаром в Одессе родилась Юморина — и её даже запретили, слишком уж смелой она была.

С распадом империи и статус столицы юмора начал меркнуть. Кого сегодня интересует КВН? А Юморина? Это, в первую очередь, праздник для приезжих и детей. Одесситы в этот день стараются уехать из города.

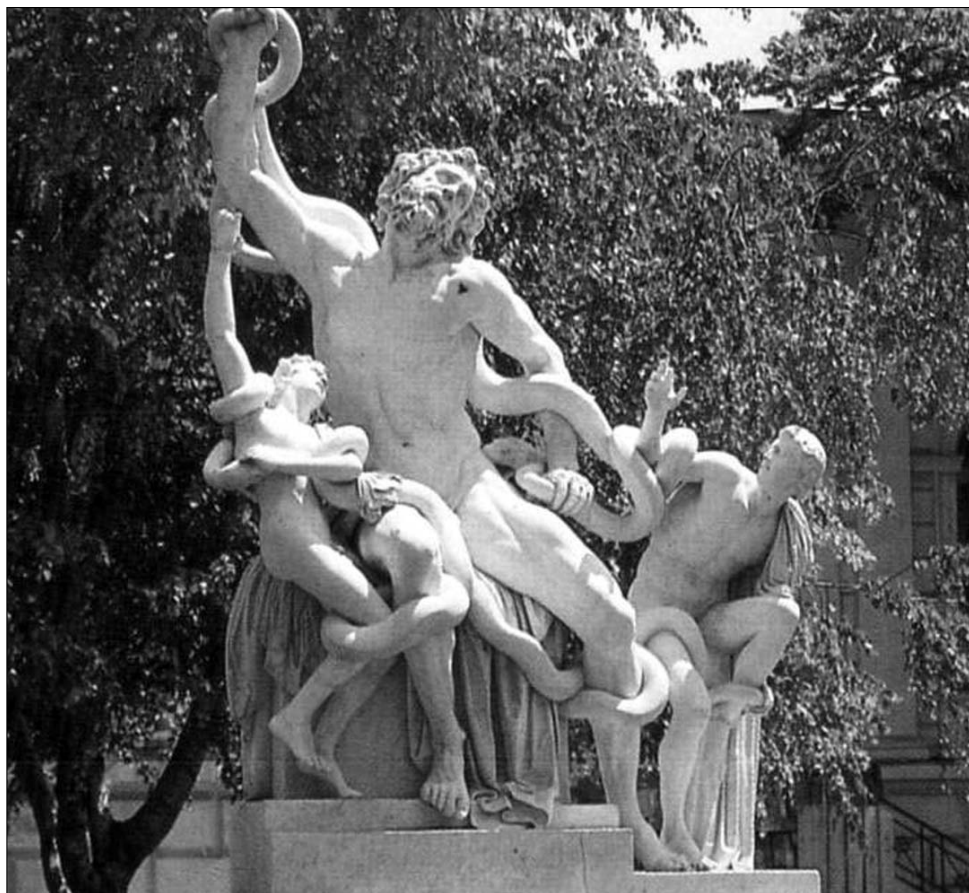
Юморина — прекрасный праздник, и нужно сделать его привлекательным для всех. Превратить в уличный фестиваль, который идет несколько дней. Как и День города. Одессе нужны такие фестивали.

В Чикаго, например, почти каждый уикенд несколько кварталов в разных частях города делают пешеходными и проводят стрит-фесты — уличные фестивали. Стрит-фест — это много концертов и шоу под открытым небом,

где каждый желающий может выступить или стать зрителем. Это большой праздник с хорошей музыкой и едой. Можно попробовать делать такое и у нас — глядишь, и музыканты появятся. Ведь из наших легендарных рок-групп конца восьмидесятых и начала девяностых никого уже почти не осталось.

Жив ли одесский юмор сегодня, или миф уже больше действительности? Если судить по авторам одесского юмористического журнала "Фонтан", среди которых одесситы находятся в подавляющем меньшинстве, пациент, скорее, мёртв. Понимаю, что за эту крамольную фразу меня забросают гнилыми помидорами, и, тем не менее пишу её. На самом деле пациент, скорее, жив, но его жизнь всегда нужно поддерживать. Нужны новые имена — а их нет уже давно.

Не только миф об одесском юморе — большинство других одесских мифов выстраивались как противодействие империи.



Однако империи больше нет. Нам нужно существовать в новых условиях. И искать свое место уже в рамках как минимум европейских. "Здесь всё Европой дышит, веет..." И вот удивительная вещь — при изменении точки зрения появляется новая парадигма, новая идея. Если мы смотрим на Одессу в рамках европейских — всё становится на свои места. И тогда Одесса вдруг оказывается не юго-западом бывшей империи, а северо-востоком Средиземноморской цивилизации. В конце концов, многие считают Чёрное море заливом Средиземного.

И тогда становятся понятными и очевидными и одесский характер, и критерии для сравнения, и пути развития. Ведь к Средиземноморской цивилизации принадлежат не только Греция, Италия, Франция и Испания (вспомним, откуда были первые одесские градоначальники, фактически создавшие "золотой век" города), но и Израиль. Совершенно естественными и понятными становятся наши витальность, оптимизм, лень, любовь к красоте — и в том числе к красивой и вкусной еде. Именно то, что было таким привлекательным для граждан большой и преимущественно холодной империи. Собственно, всё это и сейчас сохраняет свою привлекательность.

Такая точка зрения даёт нам возможность ставить перед собой ориентиры. Барселона, Марсель, Тель-Авив — вот наши образцы.

Одесса интересна в первую очередь как мультинациональный город, мультирелигиозный город, "плавильный котёл" в миниатюре. И вот что удивительно — как в Америке, так и у нас этот эксперимент удался!

Может быть, именно поэтому и родился единственный тогда не только в СССР, но и в мире Всемирный клуб одесситов.

Нам важно не потерять статус крупнейшего и самого важного города на Чёрном море. Для этого — сохранять экономическую многофункциональность, не пытаться стать исключительно курортным, туристическим городом. Нам не нужно становиться ещё одной Ялтой или Сочи. В мире нет больших и действительно значимых городов, специализирующихся только на туризме. Туристическому городу не нужны университеты — а значит, наука в нем умирает.

У любых мифов есть замечательное качество — они способны делать лучше. Причём как прошлое, так и будущее. Что бы помнили мы с вами о древних греках, если бы не их мифы? Не случайно в центре Одессы — Лаокоон, а на 9-й станции Большого Фонтана — бык, влекущий Европу. Но миф способен не только украсить прошлое — он способен повлиять на будущее. Настоящий миф животворящий. Но для этого он должен быть планкой вверх.

как значительного музыкального центра — и вообще возродит интерес к одесской музыке. Тогда в нашу консерваторию будут приезжать учиться со всего мира. Тогда будет жива традиция. А это самое главное.

А одесский кинематограф, а одесский спорт...

Именно традиция передачи знаний является основой для появления талантов. Если одесские вузы будут иметь научные школы, могут появиться новые Гамовы и Гамалеи, Хавкины и Бахтины. Важны традиция и... миф. Если каждый ребёнок будет знать, что в нашем городе каждый второй — талант, тогда у нас вырастут новые Ойстрахи и Рихтеры. Егоровы и Хрущи.

Да-да. Одесская художественная школа — одна из лучших во всём постсоветском пространстве. В Товариществе юннорусских художников зарождался русский импрессионизм — недаром Давид Бурлюк называл Костанди импрессионистом. Именно в Одессе появились последовательно три волны авангарда — начиная с одесских независимых в 1910 — 1920-х годах, через одесских нонконформистов в 1960 — 1980-х и придя к трансавангарду в конце 80-х — начале 90-х. Одесситы внесли важнейший вклад и в становление московского концептуализма. А уж сколько великих художников жили, учились и работали в Одессе... Кандинский, Бурлюк, Ларионов, Врубель, Серов... Я уверен, что со временем "Одесса художественная" станет не менее популярной экскурсией, чем "Одесса криминальная". Как, собственно, и "Одесса музыкальная", "Одесса медицинская" и "Одесса морская"...

Мы недавно приняли в члены Всемирного клуба одесситов Николая Авилова. После Яна Железняка это уже второй олимпийский чемпион — член клуба. А ведь среди одесситов — восемнадцать олимпийских чемпионов! И традицию привозить в Одессу золотые медали нужно продолжить. И для этого нужны школа и преемственность. Сколько для этого сделал, например, Борис Литвак — человек-легенда, живший рядом с нами... Еще недавно его личность была реальностью, а сегодня это имя уже миф, но какой животворящий.

Итак, традиция и миф. Искусство и культура. Без культурной составляющей о мифах можно будет вообще забыть — их некому будет создавать и поддерживать.

Важно помнить и понимать, что легендарными могут становиться не только люди, но и определённые места. В Праге, например, огромной популярностью пользуется Ghost tour — экскурсия с привидениями, построенная на богатом материале городских легенд. Эти легенды издаются отдельными сборниками и привязаны к конкретным домам. То же самое нужно делать и нам. Миф должен быть привязан к местности. Почему не проводить "Туры с привидениями" в том же дворце князя Гагарина, рассказывая о призраке, посещающем по ночам залы? А сколько интереснейших легенд вокруг Воронцовского дворца, Художественного музея — бывшего дворца Потоцких. Благодаря таким "мелочам" могут сложиться не только экскурсионные маршруты — мы будем лучше знать историю своего города.

Мифологию Одессы можно преподавать в школах. Пожалуй, не можно, а нужно.

Вообще любой город — это люди и дома. Архитектура. И городские легенды могут и должны быть не только о людях, но и о связанных с ними местах. Помню, как поразил меня ответ моей преподавательницы Business English, приехавшей к нам по обмену из... Бразилии. На мой вопрос — почему именно Одесса, если по гранту она могла поехать куда угодно, она ответила: "Не совсем куда угодно. Мне предложили на выбор Нигерию и Украину. Родители были за Нигерию, потому что Украина — неизвестная далёкая страна. Но мне она была прекрасно известна — я киноман и восхищаюсь фильмами Эйзенштейна. "Броненосец Потёмкин" пересматривала десятки раз. Поэтому, не колеблясь, выбрала Одессу — посмотреть на знаменитую лестницу".

В общем, работы у нас — непочатый край.

Давайте всегда помнить о том, что Одесса — город не первый, но и не второй.

Давайте стараться, чтобы она стала первым.

Давайте поднимать планку.

Мифотворцы всей Одессы, объединяйтесь.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Путь к признанию

Есть проблемы, события, которые спустя полвека даже трудно осознать. Сегодня, когда количество галерей, выставочных пространств в Одессе столь велико, что нет никакой проблемы у художника в том, чтобы сделать свою выставку, тем труднее представить себе, что в 60-е годы выставки проходили только в двух музеях — Художественном и Западного и Восточного искусства — да еще в выставочном зале Союза художников. Очередь среди художников на право устроить выставку тянулась годами. Естественно, не всех допускали. Естественно, работали худсовет, партком Союза художников, кураторы из обкома и КГБ...

Реакцией на всё это и стали "квартирные выставки". На них покупали работы опальных, непризнанных мастеров, но это означало прямую конфронтацию с Союзом художников, с теми же обкомом партии и КГБ, а кроме того, естественное молчание партийной прессы (беспартийной просто не было).

В 1965 году я начал работать литсотрудником в "Комсомольской искре". Составил по просьбе редактора Игоря Лисаковского и его заместителя Игоря Беленькова свой план, свою сферу ответственности. Туда входили литературные номера газеты (один-два раза в год), "круглые столы" по обсуждению фильмов Одесской киностудии и, по примеру редакции московского журнала "Юность", создание своего выставочного зала для молодых талантливых, еще не признанных художников.

Чем отличался наш выставочный зал от всех остальных? Никаких худсоветов. Художник сам решал, что представить зрителю. Обязательное оповещение о выставке в газете — иногда информация, иногда рецензия, иногда обсуждение. По сути, это были первые шаги к официальному признанию. И чаще всего признание действительно приходило.

На выставки приходили как официальные лица, так и, естественно, художники, любители искусства. Обязательно прибегал ответственный секретарь Союза художников А. Шистер, посмотрев выставку, писал докладную в отдел культуры обкома партии. И всё же за период, что я работал в "Комсомольской искре": с 1965 года по 1973-й (с созданием "Вечерней Одессы", с 1 июля 1973 года, я уже был в новой газете) — лишь одна выставка была закрыта, провисев буквально 2 — 3 часа. До сих пор не знаю, кто "настучал".

С радостью и удовольствием развешивали мы с Андреем Антоном его работы в нашем большом зале, площадью около 50 квадратных метров при высоте в 4,5 метра. Приходи-

ли сотрудники, смотрели с интересом, радостно восприняли выставку заместитель редактора Игорь Беленьков. Никаких официальных открытий мы не делали, никаких фуршетов. Это всё было как бы рабочими буднями газеты. Но через пару часов меня вызвал в свой кабинет Олег Приступенко, новый главный редактор. У него дрожал второй подбородок, срывался голос: "Мне звонили оттуда, — он показал пальцем вверх, так что можно было подумать, что звонили из "небесной канцелярии", — чтобы мы немедленно сняли выставку, это националистическая и буржуазная пропаганда".

Я попросил его зайти в зал, посмотреть самому, а был он человеком, хоть недостаточно образованным, но житейски порядочным. Олег Георгиевич пошел за мной в зал, долго глядел на работы, потом, извиняясь, сказал: "Красивые. Но религиозный дурман в них чувствуется. И церковью нет, и священников, но это, поверь, это духовная живопись".

Про себя я улыбнулся: это было признанием мастера. Но работы Андрей в тот же день снял, это была единственная выставка, о которой мы не сообщили в газете. Прошли годы. Народный художник Украины, лауреат Шевченковской премии Андрей Антонок, открывая в Одессе (а жил он и умер в Николаеве) свои выставки, всегда вспоминал, как состоялась — не состоялась его первая персональная выставка в "Комсомольской искре".

Горжусь тем, что мы показали первые персональные выставки Валентина Хруща, Людмилы Ястреб, Игоря Божко, Владимира Криштопенко, Эсфири Серпионовой, Галины Щербины; что не побоялись показывать графику Олега Соколова; провели две выставки совсем юного Сережи Князева; открыли талантливого самодельного художника Ивана Климова из молдавского городка Сороки... Кстати, с ним меня познакомил Олег Соколов.

Написал — не побоялись. Сегодня я сам поражаюсь своей тогдашней, скажем так, бесшабашности. В зале (собственно, это была большая редакционная комната) не было сигнализации, не было, естественно, охраны, а мы устроили — причем одну из первых — выставку из частных коллекций И. Федоркова, С. Серединского, М. Иваницкого, мы показали работы Д. Бурлюка, Ю. Анненкова, М. Волошина, Н. Гончаровой, К. Костанди, В. Кандинского, К. Петрова-Водкина... Кстати, на этой же выставке была работа жившего в Одессе мастера — М.М. Божия.

Более того, на страницах газеты выпустили каталог этой выставки, сверстали номер так,

что любители живописи могли вырезать, как купон, этот каталог.

После моего ухода из "Комсомольской искры" там еще по традиции состоялось несколько выставок.

Кстати, художниками самой газеты в те годы, что я работал, были поочередно Александр Ануфриев, Люсьен Дюльфан, Игорь Божко, Анатолий Синишин, Виктор Джавага... И сидели они, иллюстрируя газету, в нашем выставочном зале, как бы принимая публику, общаясь с ней.

Воспоминания эти нахлынули, когда коллекционер и исследователь Александр Дмитренко просмотрел в библиотеке подшивки газеты с 1965 года по 1974 год, готовя свою книгу "Союз художников", и прислал мне список выставок с датами их проведения.

Александр Дмитренко Выставки в "Комсомольской искре"

В декабре 1965 года в редакции газеты "Комсомольская искра" (ул. Пушкинская, 37) открылась выставка произведений русских и украинских художников **из собраний коллекционеров** г. Одесса. Среди представленных 54 произведений — работы Ю. Анненкова, В. Бальца, Д. Бурлюка, К. Богаевского, П. Волокидина, А. Гауша, П. Ганского, М. Волошина, Н. Гончаровой, К. Костанди, Г. Головкина, П. Нилуса, Т. Дворникова, В. Заузе, К. Ковтуненко, П. Шварца, И. Соколова, И. Похитонов, Г. Савицкого, Л. Лагорио, К. Крижицкого, К. Коровина, Р. Фалька. "В небольшом выставочном зале газеты — четвертая выставка. На смену **рисункам детей**, графике художника **Олега Соколова**, снимкам московского фотоклуба "Новатор" пришли произведения русских и украинских художников из собраний коллекционеров г. Одесса... Каталог выставки опубликован в газете "Комсомольская искра", № 10 (434) от 23 января 1966 года.

В июне 1966 года в редакции газеты "Комсомольская искра" проходила первая персональная выставка **М. Матусевича**. (Эта выставка стала 6-й редакционной выставкой. Перед этим проходила выставка произведений художников **западных областей Украины**.) 21 июня состоялось обсуждение выставки. С обзорным докладом выступила В. Королева. В обсуждении принимали участие О. Соколов, Л. Межберг, И. Шенкер.

В январе 1967 года — выставка гравюры и акварели **Ю. Кищенко**.

В марте 1967 года — выставка произведений **З. Ивницкой**.

В ноябре 1967 года — выставка произведений **И. Божко**.

В апреле 1968 года — выставка произведений **В. Хруща**, члена молодежной секции Одесской областной организации Союза художников УССР.

В марте 1969 года — фото **В. Арсирия**.

В апреле 1969 года — выставка произведений **Л. Ястреб**, участницы Всесоюзной выставки "50 лет ВЛКСМ" (г. Москва), затем в составе творческой группы "Паланга" была приглашена в Дом творчества в Паланге (Литва).

В мае 1969 года — выставка произведений **Н. Вилкуна**.

В декабре 1969 года — выставка 16 произведений **С. Божия**.

В апреле 1970 года — выставка работ 11-летнего ученика школы № 53 **С. Князева**.

В сентябре 1971 года в большом зале редакции — выставка работ **И. Божко**.

В декабре 1971 года — фотовыставка **Л. Сидорского**.

В мае 1972 года — вторая выставка **С. Князева**. Показано более 40 пастелей.

В июле 1972 года — персональная выставка 37 произведений **Н. Вилкуна** и групповая молодежная выставка, на которой экспонировались произведения **Л. Дюльфана**, **В. Стрельникова**, **В. Маринюка**, **С. Сычева**, **А. Лопатникова**.

В сентябре 1972 года — выставка работ художника-любителя из молдавского городка Сороки **И. Климова**.

В декабре 1972 года — первая персональная выставка произведений **В. Криштопенко**.

В феврале 1973 года — первая персональная выставка работ **Э. Варшавской-Серпионовой**.

В апреле 1973 года — выставка **Г. Щербины**.

В мае 1973 года — выставка четырех молодых художников: **В. Мацкевича**, **В. Стрельникова**, **В. Цюпка**, **Л. Ястреб**.

В январе 1974 года — открылась выставка **детского рисунка**.

В июне — июле 1974 года — выставка 55 рисунков **Н. Вилкуна**.

В августе 1974 года — выставка **Анатолия Волошинова**, первая его выставка была в редакции в 1970 году.

В сентябре 1974 года — выставка художника-конструктора СКБ **Надежды Вершининой**.

16 сентября 1981 года — выставка эскизов к кинофильмам художника **А. Наумова**, показано 21 произведение.

По материалам газеты "Комсомольская искра", отработанным в ОННУ им. А. Горького с 1965 по 1974 г. включительно. Последняя выставка — вырезка газеты из л/д А. Наумова в ООО НСХУ. Известна и описана в печати 31 выставка.



На "квартирной выставке" Э. Серпионовой. В первом ряду: В. Маринюк, В. Хрущ. Во втором ряду: Э. Серпионова, Л. Ястреб, Е. Голубовский.



Художник Владимир Стрельников, фото Валентина Серова.

Художники старой Одессы — как они выглядели?

Сотни, тысячи художников (кто их считал?) связаны с Одессой. Одни здесь учились, иные участвовали в выставках, приезжали и уезжали, жили постоянно... Начинающие и маститые, талантливые и заурядные, академики и самоучки, натуралисты и абстракционисты, русские и украинцы, греки, евреи, поляки, караимы, немцы, итальянцы... Все они наполнили город своими произведениями, оставили след в становлении его культуры, облика, духовности.

Предлагаем вниманию читателей несколько старых фотографий. Они донесли до наших дней облик одесских жителей прошлых поколений. В выборе персонажей — элемент случайности. Удалось собрать изображения далеко не всех, о ком хотелось бы вспомнить.

Сергей Луцки.
Репродукции Сергея Калмыкова.



Вера Николаевна Акимович (1890 — 1977). Участница выставок Товарищества южнорусских художников, член Общества им. К.К. Костанди. Фото конца 1910-х гг.



Максим Прокопьевич Гронец (1884 — 1963; слева) и Павел Гаврилович Волокидин (1877 — 1936). Профессора Одесского художественного института. Фото 1924 г.



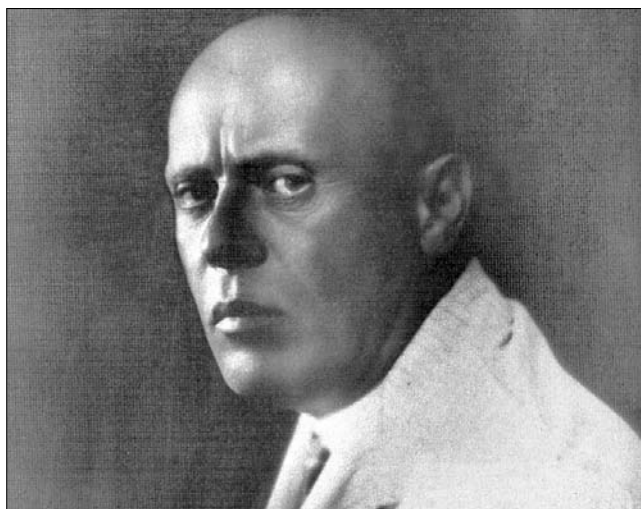
Вениамин Симович Бабаджан (1894 — 1920). За короткую жизнь проявил себя талантливым поэтом, художником, исследователем искусства. Расстрелян большевиками в Феодосии в числе многих взятых в плен белых офицеров. Фото 1915 г.



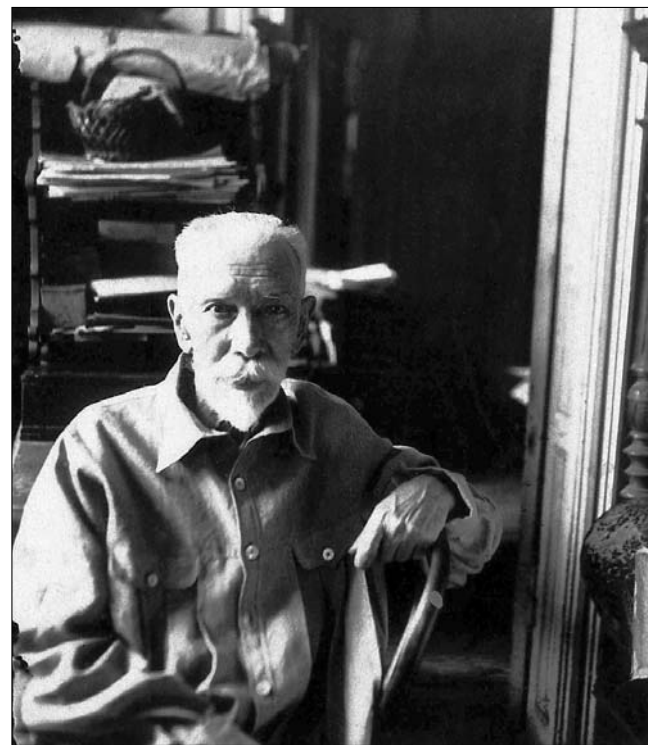
Тит Яковлевич Дворников (1862 — 1922; слева) и Евгений Иосифович Буковецкий (1866 — 1948). Члены Товарищества южнорусских художников. Фото 1890-х гг.



Герасим Семенович Головков (1863 — 1909). Член Товарищества южнорусских художников, участник ряда парижских и мюнхенских выставок. Фото 1900-х гг.



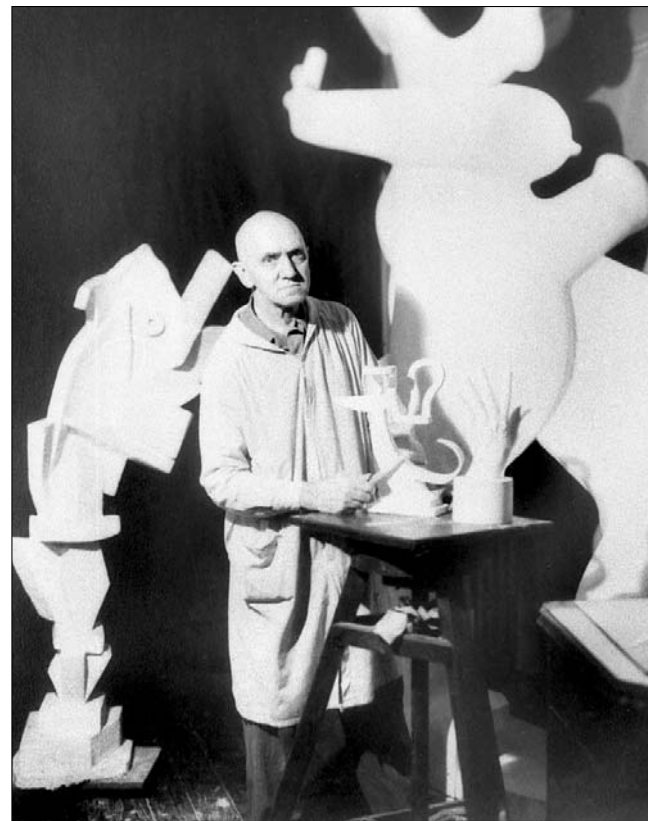
Михаил Иванович Жук (1883 — 1964). Вошел в украинскую культуру и как художник, и как писатель. Профессор Одесского художественного института, затем — училища. Фото 1930 г.



Владимир Христианович Заузе (1859 — 1939). Член Товарищества южнорусских художников и Общества им. К.К. Костанди, профессор Одесского художественного института.



Николай Иванович Иванов (1852 — 1921). Член Товарищества южнорусских художников. Фото 1880-х гг.



Владимир Алексеевич Издебский (1882 — 1965). Скульптор, организатор всемирно известных интернациональных выставок "Салоны Издебского". Эмигрировал в 1913-м, жил в Париже и Нью-Йорке. Фото 1950 г.



Луиджи Доминикович Иорини (1817 — 1911). Скульптор. Родился в Милане. Свыше 40 лет преподавал в Одесском художественном училище. Фото 1890-х гг.



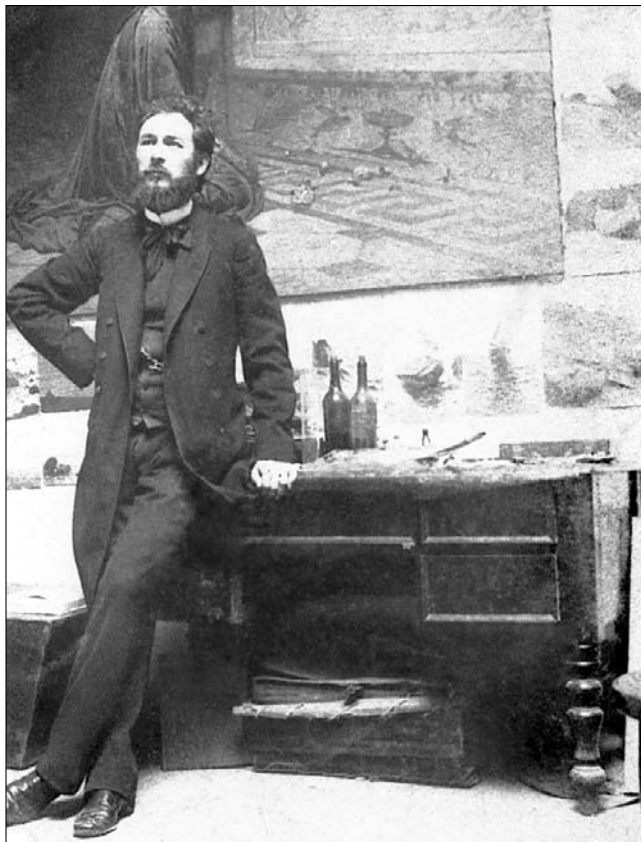
Петр Сергеевич Коновский (1883 — 1953). Живописец и график, член Общества им. К.К. Костанди. Преподаватель и зав. музеем Одесского художественного училища. Фото конца 1940-х гг.



Кириак Константинович Костанди (1852 — 1921) с женой Ефросинией Кузьминичной. Академик, бессменный председатель Товарищества южнорусских художников. Фото 1900 г.



К.К. Костанди в кругу семьи. Крайний справа — художник-любитель, хирург Н.А. Куковеров. Фото около 1910 г.



Александр Андреевич Попов (1852 — 1919). Академик, многолетний директор Одесского художественного училища. Фото 1880-х гг. в Риме.



Аркадий Гесеевич Самбур (1911 — 1988). Приехал в Одессу в 1946-м, эмигрировал в конце 1970-х, умер в Филадельфии. Фото 1950-х гг.



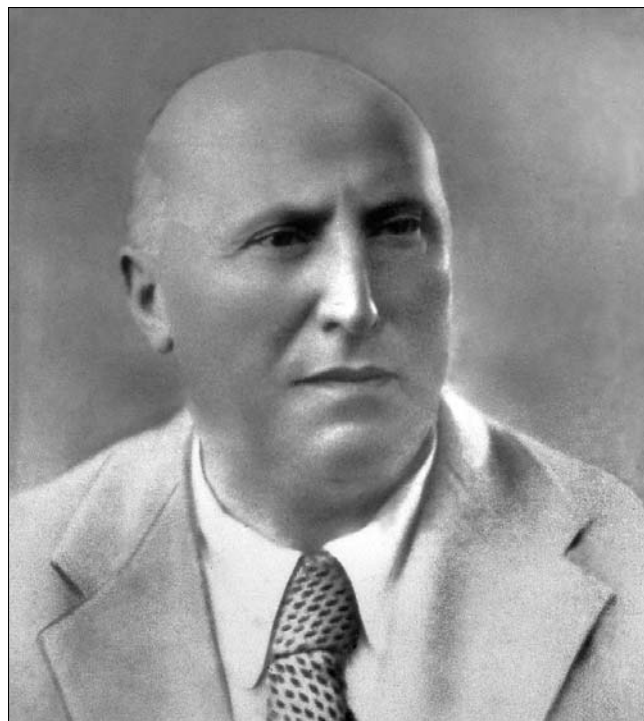
Александр Николаевич Стилиануди (1868 — 1948). Многолетний секретарь Товарищества южнорусских художников, член Общества им. К.К. Костанди. Преподавал рисование в стройпрофшколе, где учился будущий создатель космической техники С.П. Королев.



Виктор Александрович Федоров (1897 — 1948). Сын писателя А.М. Федорова, прототип главного героя повести В. Катаева "Уже написан Вертер", участник выставок южнорусских художников. Эмигрировал в начале 1920-х годов, работал художником Бухарестской оперы. Был главным художником театра ГУЛАГа в Кемеровской области, умер в лагере. Фото 1916 г.



Владимир Петрович Филатов (1875 — 1956). Знаменитый офтальмолог, академик. Художник-любитель, член Общества им. К.К. Костанди.



Теофил Борисович Фраерман (1883 — 1957). Член Парижского осеннего салона и Одесского общества независимых художников, профессор Одесского художественного института, неоднократно гонимый за "формализм". Фото 1940-х гг.



Всеволод Александрович Цымпаков (1903 — 1968). Член общества им. К.К. Костанди. После второй мировой войны провел около пяти лет в ГУЛАГе. Фото 1960-х гг.

Александр БАБИЧ

Отряд, который себя убил

Ещё несколько месяцев назад сложно было предположить, что мои знания, связанные с историей подполья и партизанского движения, могут оказаться почти прикладными. Никогда не думал, что опыт, наработанный в подземных экспедициях и усугублённый архивным поиском, понадобится для чего-то, кроме краеведческих и исторических изысканий. С твёрдой уверенностью, что всё-таки применять эти знания на практике не придётся, поговорим снова о партизанах Одессы первого этапа той войны.

На сегодня нам, безусловно, известно, что, уходя из Одессы 16 октября 1941 года, советские органы (партийные и НКВД) оставили в катакомбах как минимум четыре группы.

1. Отряд Афанасия Клименко в Нерубайских каменоломнях. Традиционно о нём писали, как о резидентуре под руководством В.А. Молодцова (Бадаева).

2. Группу Лазарева — Горбеля, которая ушла в шахты с. Усатово.

3. Группу А.Ф. Солдатенко (катакомба на Дальницкой).

4. Спецгруппу НКВД Кузнецова — Калошина (старые каменоломни Молдаванки).

О первых двух партизанских подразделениях достаточно много написано в советской историографии. В городе и окрестных сёлах стоят памятники им. Достаточно подробно я написал о них в своей книге "Отряд".

О группе Солдатенко есть отдельная телевизионная программа А. Красножона, где нам удалось достаточно подробно проследить её судьбу и причины гибели.

А вот о судьбе сотрудников НКВД, которые вошли в спецгруппу Кузнецова — Калошина, до недавнего времени не было известно ничего. Даже их родственникам. Даже самим сотрудникам одесского управления СБУ. Хотя для понимания того, что случилось в одесских катакомбах в 1941 — 1942 годах, достаточно было опубликовать всего один документ. И сразу же много вопросов было бы снято. И ещё одна страница одесской истории была бы открыта. Вот это мы и сделаем.

Этот документ хранится в Центральном архиве СБУ Украины. Сухой акт результата служебного расследования, которое было проведено сразу после освобождения Одессы от немецко-румынских войск в 1944 году. Именно с этой целью в город сразу за советскими войсками зашли несколько сотрудников НКГБ. В результате их работы под землёй, допросов свидетелей и предателей, работы с уцелевшими дневниками бойцов этой группы и были сделаны эти выводы.

Цитирую с небольшими сокращениями и комментариями (орфография сохранена):

Совершенно секретно

экз. № 1

"УТВЕРЖДАЮ"

П.п. ЗАМ НАРОДНОГО КОМИССАРА

ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР

комиссар госбезопасности

2 ранга КОБУЛОВ

" " июля 1944 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гор. Москва, 1944 г., июля " " дня.

Я, заместитель начальника следственного отделения 7 отдела Управления НКГБ СССР капитан госбезопасности АНТОНОВ, рассмотрев материалы расследования по делу резидентуры НКГБ СССР, оставленной на оседание в Одессе на период оккупации города противником —

НАШЁЛ:

Произведённым на месте расследованием путём допроса свидетелей и предателя МОЛУКАЛО Н.З., а также изъятыми из катакомб дневниками, актами и приказами по резидентуре, официальными сообщениями в румынской печати и предсмертными письмами участников резидентуры установлено следующее:

В июле 1941 года НКВД СССР была направлена в гор. Одессу группа работников центрального аппарата во главе с начальником отделения майором госбезопасности КАЛОШИНЫМ Владимиром Антоновичем для организации подпольной резидентуры и проведения разведывательной и диверсионно-террористической работы на случай оккупации Одессы противником.

В руководящий состав резидентуры кроме КАЛОШИНА входили:

1. Зам.нач.отделения резервзначения НКВД СССР капитан госбезопасности ПШЕНИЧНЫЙ Павел Петрович,

2. Оперуполномоченный НКВД СССР — старший лейтенант госбезопасности КОЛЬЦОВ Василий Фёдорович,

3. Оперуполномоченный НКВД СССР капитан госбезопасности ГОНЧАРОВ Митрофан Фёдорович.

4. Негласный сотрудник НКВД СССР АБРАМОВ Николай Фёдорович,

5. Негласный сотрудник НКВД СССР ПАЩЕНКО Трофим Ефимович

В подпольный аппарат резидентуры КАЛОШИНА вошли 26 сотрудников 3 спецотдела УНКВД по Одесской области во главе с начальником 3 Спецотдела УНКВД Одесской области КУЗНЕЦОВЫМ Всеволодом Александровичем в составе:

1. ПОЛЬЩИКОВА Василия Михайловича — начальника отделения 3 Спецотдела Одесского УНКВД.

2. ШИРОКОВА Александра Николаевича — начальника отделения 3 Спецотдела Одесского УНКВД.

3. КОВАЛЬЧУК Агафьи Фёдоровны — разведчицы 3 Спецотдела.

4. ЛИТВИНОВА Василия Сидоровича — шофёра — разведчика 3 Спецотдела Одесского УНКВД.

5. ГЛУЩЕНКО Александра Яковлевича — коменданта конспиративной квартиры 3 Спецотдела Одесского УНКВД

6. КОРОТЫНСКОГО Ивана Ивановича, пом. оперуполномоченного 3 Спецотдела Одесского УНКВД

7. СЛОВЕЦКОГО Владимира Леонтьевича, разведчика 1 категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД

8. ОСИПЧУКА Георгия Васильевича, оперуполномоченного 3 Спецотдела УНКВД.

9. ТКАЧЕНКО Григория Федотовича — разведчика 1 категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД.

10. БРАВИНСКОГО Ивана Яковлевича, разведчика 1 категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД.

11. ГОНЧАРЕНКО Ивана Михайловича — разведчика 1 категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД

12. МОЛОЧНОГО Ивана Михайловича — разведчика 1 категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД

13. МЕЛЬНИКА Александра Тимофеевича — пом.нач. группы разведки 3 Спецотдела Одесского УНКВД.

14. СЕМЕРЮНИК Евгении Андреевны — разведчицы II категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД

15. БРЕЗИНСКОГО Владимира Георгиевича — ст. разведчика 3 Спецотдела Одесского УНКВД.

16. МЕЛЬНИКА Филиппа Николаевича — разведчика II категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД

17. ПРОХОРЦЕВА Михаила Лукьяновича, разведчика I категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД

18. АВРАМЕНКО Константина Андреевича — разведчика I категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД

19. КУТАРЕВА Николая Павловича — разведчика II категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД

20. КУЛЬЧЕНКО Николая Январовича, ст.разведчика 3 Спецотдела Одесского УНКВД

21. СТРЕЛЬНИКОВА Григория Михайловича, разведчика II категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД

22. ИВАЩЕНКО Андрея Петровича — ст.разведчика 3 Спецотдела Одесского УНКВД

23. МОЛУКАЛО Николая Зеноновича — разведчика I категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД

24. ТЕЛКОВА Дмитрия Григорьевича — разведчика I категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД

25. ГОЛЯНТ Дмитрия Игнатьевича — разведчика I категории 3 Спецотдела Одесского УНКВД.

Организационная работа и подготовка материальной базы для резидентуры производилась УНКВД по Одесской области в период августа, сентября и первой половины октября 1941 года.

За это время в катакомбы было завезено различного продовольствия на 6 месяцев из расчёта на 19 человек, а также необходимое вооружение — автоматы, пистолеты, гранаты, боеприпасы и рация.

В связи с приближением к Одессе немецко-румынских войск 15 октября 1941 года в одесские катакомбы близ Зеркальной фабрики по ул. Фрунзе, спустились 19 участников резидентуры, в числе которых была вся московская группа и... 13 сотрудников УНКВД по Одесской области...

...Остальные 13 сотрудников УНКВД по Одесской области под руководством пом.нач. группы разведки 3 спецотдела МЕЛЬНИКА А. Т. были оставлены в городе для ведения разведывательной и диверсионно-террористической работы.

Для поддержания связи с наружной группой КУЗНЕЦОВЫМ В.А. была назначена сотрудница 3 спецотдела УНКВД по Одесской области СЕМЕРЮНИК.

С СЕМЕРЮНИК было обусловлено, что она на второй день после прихода немецко-румынских войск через колодец шахты должна спустить в катакомбы донесение о положении в городе.

Однако СЕМЕРЮНИК струсилась, задание не выполнила и после оккупации Одессы выдала румынам всю резидентуру, после чего 28 ноября 1941 года была завербована сигуранцей.

По доносам СЕМЕРЮНИК в период с 28 ноября по 15 декабря 1941 года сигуранцей была арестована вся наружная группа и 4 июня 1942 года румынским военно-полевым судом из числа этой группы были осуждены к смертной казни:

1. МЕЛЬНИК А.Т.
2. БРИЗИНСКИЙ В.Г.
3. КУЛЬЧЕНКО Н.Я.
4. СТРЕЛЬНИКОВ Г.М.
5. ГОЛЯНТ Д.И.
6. КУТАРЕВ Н.П.
7. ИВАЩЕНКО А.П.
8. ТЕЛКОВ Д.Г.
9. МЕЛЬНИК Ф.Н.

(См. "Одесскую газету" от 4.06.1942 года, № 91, где опубликовано решение румынского в.-пол. суда, — прим. авт.)

Переноса пытки и жестокие избиения в стенах сигуранцы, участники внешней группы резидентуры проявили мужество и стойкость.

Об их поведении в сигуранце в своём предсмертном письме СТРЕЛЬНИКОВ Г.М. 21.06.1942 года писал:

"...Вот люди, которые достойны своей Родины, которые умирают в вере в нашу победу, как герои: МЕЛЬНИК Александр, КУЛЬЧЕНКО Николай, МЕЛЬНИК Филипп, ГОЛЯНТ Дмитрий, СТРЕЛЬНИКОВ Георгий"

И далее о себе:

"Товарищи! Я умираю как герой, ни пытки, ни побои не смогли меня сломить. Я верю в нашу победу, в наше будущее".

(Эти бойцы были расстреляны на Стрельбищном поле Одессы, — прим. авт.)

Остальные участники наружной группы резидентуры ПРОХОРЦЕВ М.Л., АВРАМЕНКО К.А. и МОЛУКАЛО Н.З. были перевербованы румынами и вместе с СЕМЕРЮНИК вели предательскую работу по выдаче румынам подпольной резидентуры, находившейся в катакомбах.

Предательство СЕМЕРЮНИК, ПРОХОРЦЕВА, АВРАМЕНКО и МОЛУКАЛО подтверждается предсмертными письмами расстрелянных румынами ГОРДИЕНКО Якова Яковлевича — руководителя молодёжной террористической группы в резидентуре МОЛОДЦОВА и СТРЕЛЬНИКОВА Г.М. — участника наружной группы резидентуры КАЛОШИНА дневниками СЛОВЕЦКОГО и ГЛУЩЕНКО.

Кроме того о предательской работе СЕМЕРЮНИК показал арестованный МОЛУКАЛО.

В предсмертном письме, адресованном из тюрьмы своим друзьям СТРЕЛЬНИКОВ Г.М. указывал:

"Среди нас оказались предатели, фашистские псы, которые жаждали крови и продавали всю группу. Вот они: СЕМЕРЮНИК Евгений — главарь, МОЛУКАЛО Николай, АВРАМЕНКО Константин и ПРОХОРЦЕВ Михаил".

В связи с предательством СЕМЕРЮНИК, КАЛОШИНА и КУЗНЕЦОВА, оставшись без связи и не зная действительного положения в городе, решили вместе с другими участниками резидентуры произвести вылазку из катакомб в целях разведки и получения "языка".

Однако при попытке осуществить это решение было установлено, что часть выходов из катакомб замурована, а уцелевшие выходы охраняются румынскими войсками.

Тогда КУЗНЕЦОВЫМ было принято решение разгромить румынский пост у шахты около Зеркальной фабрики.

Во время столкновения у выхода из катакомб 13 ноября 1941 года, группой во главе с КУЗНЕЦОВЫМ было убито 10 румынских солдат. Из участников резидентуры в этой схватке погиб ОСИПЧУК Григорий Васильевич. Выйти же из катакомб и установить связь с городом никому не удалось. Лишь 15 декабря 1941 года, т.е. через два месяца после оккупации румынами Одессы впервые явилась на связь СЕМЕРЮНИК Евгения, которая в переданной через трубу записке известила КУЗНЕЦОВА о том, что по улице ходит румынский патруль и потому она ждать не может, а придет на явку в следующий день. С этого дня установилась регулярная "связь" резидентуры с СЕМЕРЮНИК. В своих донесениях СЕМЕРЮНИК сообщала в катакомбы, что

в городе спокойно, румыны, якобы, блокаду выходов сняли, и предлагала резидентуре выйти наружу для активизации работы против оккупантов.

СЕМЕРЮК была заподозрена в дезинформации и через неё завязалась "игра" с румынской разведкой.

В результате удачной "игры" резидентуре КАЛОШИНА 17 марта 1942 года удалось заманить в катакомбы СЕМЕРЮНИК, ПРОХОРЦЕВА И АВРАМЕНКО, которые на допросах сознались в сотрудничестве с сигуранцей и выдаче румынам всей внешней группы резидентуры.

Все три предателя — СЕМЕРЮНИК, ПРОХОРЦЕВ И АВРАМЕНКО 22 марта 1942 года в катакомбах были расстреляны.

(Перед тем, как их расстреляли, свои их долго и жёстко допрашивали. Это стало известно из дневника одного из бойцов группы, — прим. авт.)

С первых дней пребывания в катакомбах, в результате стремлений бывшего нач. 3 спецотдела УНКВД по Одесской области КУЗНЕЦОВА занять руководящую роль в резидентуре, между КАЛОШИНЫМ и КУЗНЕЦОВЫМ возникла беспринципная вражда, которая усиливалась с каждым днём.

Имея поддержку со стороны бывших у него в подчинении сотрудников 3-го спецотдела, численность которых превосходила московскую группу, КУЗНЕЦОВ отстранил от руководства работой КАЛОШИНА и поставил всю московскую группу в тяжелейшие условия, необоснованно её подозревая в личной к нему ненависти, установил за московскими работниками слежку и ухудшил их питание.

Попытки КАЛОШИНА разрядить созданную КУЗНЕЦОВЫМ напряжённую атмосферу, к положительным результатам не привели.

(Из некоторых источников стало известно, что эта вражда началась ещё до спуска под землю — в октябре 1941 года. И к разрешению этого конфликта привлекался даже В.А. Молодцов. Но он не смог снять возникшее напряжение. После оккупации города связи между их группами уже фактически не было, — прим. авт.)

По приказанию КУЗНЕЦОВА, вся группа работников Наркомата, находившаяся в катакомбах, была расставлена на различные посты и под предлогом имевшего, якобы, места заговора с их стороны против КУЗНЕЦОВА, все они были арестованы.

В июле 1942 года АБРАМОВ Н.Ф. был оправдан и из под стражи освобождён, а все остальные сотрудники Наркомата КАЛОШИНА В.А., ПШЕНИЧНЫЙ Л.П., ГОНЧАРОВ М.Ф., КОЛЬЦОВ В.Ф. И ПАЩЕНКО Т.Е. были расстреляны, как заговорщики против КУЗНЕЦОВА.

28 августа 1942 года за подозрение хищения одной булки и сухарей, по приказу КУЗНЕЦОВА, был расстрелян МОЛОЧНЫЙ И.М.

27 сентября 1942 г. по приказу КУЗНЕЦОВА, были расстреляны ПОЛЬЩИКОВ В.М. и КОВАЛЬЧУК Анисья "за хищение продуктов и половую распущенность", выразившуюся в том, что у КОВАЛЬЧУК от ПОЛЬЩИКОВА родился ребёнок, который умер через 3 часа.

(Ребёнок был зачат и выношен под землёй. Точно известно, что у Аси Ковальчук за эти месяцы не было ни единой возможности увидеть солнечный свет, — прим. авт.)

По подозрению в заговоре против себя, КУЗНЕЦОВ с участием ЛИТВИНОВА, 21 октября 1942 года расстрелял в катакомбах ещё пять человек:

1. ШИРОКОВА А.Н.
2. СЛОВЕЦКОГО В.Л.
3. КОРОТЫНСКОГО И.И.
4. БРАВИНСКОГО И.Я. и
5. ГОНЧАРЕНКО И.М.

В тот же день, т.е. 21 октября 1942 года, единственный оставшийся из московской группы, АБРАМОВ Н.Ф., возмущаясь поведением КУЗНЕЦОВА, застрелил его двумя выстрелами в висок, а ГЛУЩЕНКО по указанию АБРАМОВА застрелил помощника КУЗНЕЦОВА — ЛИТВИНОВА В.С.

К этому времени в катакомбах остались в живых только АБРАМОВ и ГЛУЩЕНКО, т.к. ТКАЧЕНКО Г.Ф. от тифа умер в сентябре 1942 года.

18 февраля 1943 года ГЛУЩЕНКО застрелил АБРАМОВА, а сам сделал выход из катакомб и 10 ноября 1943 года вышел наружу, оставив в катакомбах свой дневник и все документы резидентуры.

(Таким образом, Глущенко провёл в одиночестве под землёй 9 (!) месяцев, — прим. авт.)

В день освобождения Одессы Красной Армией, т.е. 10 апреля 1944 года ГЛУЩЕНКО явился к начальнику отдела "А" УНКГБ Одесской области майору госбезопасности ША-ПОВАЛОВУ и сообщил ему о судьбе резидентуры КАЛОШИНА.

12 апреля 1944 года ГЛУЩЕНКО в сопровождении группы бойцов Красной Армии был направлен в катакомбы для изъятия оставленных там документов резидентуры.

После обнаружения и передачи бойцам указанных документов ГЛУЩЕНКО А.Я. там же в катакомбах случайно подорвался гранатой и 14.04.1944 года умер в Одесской городской больнице.

(Обстоятельства гибели Александра Глущенко до сих пор вызывают массу вопросов. Исходя из тех документов, которые уже найдены в архивах, очень сложно поверить в случайность его гибели, — прим. авт.)

Оставшийся в живых из всей резидентуры КАЛОШИНА один участник внешней группы, быв. разведчик 3 спецотдела УНКВД по Одесской области МОЛУКАЛО Н.З. арестован нами 24 мая 1944 года как агент сигуранцы и передан со всеми компрометирующими его материалами в распоряжение УНКГБ Одесской области для ведения следствия.

(Молюкало вскоре был расстрелян за измену Родине, — прим. авт.)

На основании изложенного
ПОЛАГАЮТ:

1. Расследование по делу резидентуры считать законченным, материалы сдать на хранение в архив 4 управления НКГБ СССР.

2. Назначить пенсии семьям всех погибших в тылу противника членов резидентуры, за исключением предателей — СЕМЕРЮНИК Е.А., ПРОХОРЦЕВА М.Л., АВРАМЕНКО К.А. и МОЛУКАЛО Н.З.

(Как мне рассказывали родственники погибших бойцов группы Кузнецова — Калошина, семьи действительно после войны получили пенсии и медали "Партизану Отечественной войны". Но никто им так и не объяснил, что произошло с их отцами и сыновьями. В извещениях было написано кратко: "Погиб при исполнении специального задания в г. Одессе", — прим. авт.)

ЗАМ НАЧ СЛЕДСТВЕННОГО ОТДЕЛЕНИЯ 7 ОТД

4 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР капитан госбезопасности АНТОНОВ.

СОГЛАСНЫ: ЗАМ НАЧ 7 ОТДЕЛА 4 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР подполковник госбезопасности БОРИСКОВСКИЙ

НАЧАЛЬНИК 4 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР комиссар госбезопасности 3 ранга СУДОПЛАТОВ

Сразу после первого прочтения этой справки мне было сложно осознать причины произошедшего и разобраться в собственных эмоциях. Только долгая работа с их личными делами, накопление документов, работа под землёй позволили адекватно проанализировать всё, что произошло в группе Кузнецова — Калошина. Надо уразуметь, что это были обыкновенные люди со своими слабостями, страхами, боязнями и переживаниями. Кто знает, как мы вели бы себя в то время, в таких условиях и в таком окружении?! Не будем их судить, но попробуем их понять. Попробуем ощутить то, что они испытывали, попробуем разобраться, почему они поступали так, а не иначе.

Мне приходилось находиться достаточно длительное время в жёстких условиях замкнутого пространства. И даже при том, что у меня и моих "коллег по несчастью" была возможность постоянно видеть солнечный свет, дышать чистым воздухом и относительно нормально питаться, напряжённость отношений между нами росла день ото дня и периодически выливалась в достаточно кровавые драки. И это при том, что у меня и условия были помягче, и коллектив побольше... А в отряде Кузнецова — Калошина всё было намного жёстче. Намного! И их никто не подбирал на совместимость, как космонавтов перед полётом. Они уходили под землю по приказу. И, как смогли, его выполняли.

Нет, мы не вправе их осуждать.

Сегодня известны почти все обстоятельства деятельности этой группы. Мне удалось отыскать и пообщаться с родственниками нескольких бойцов и получить от них довоенные фотографии ребят. В управлении СБУ Одесской области удалось создать целый стенд, посвящённый этой группе. Почти готова книга об их деятельности. Я побывал на Слободском кладбище, на могиле А. Глущенко. С точностью до нескольких метров установлено, где именно под Молдаванкой, в затопленном участке катакомб, покоятся останки 18 бойцов и командиров этого диверсионно-разведывательного подразделения. Очень хочется, чтобы однажды в Одессе появился памятник этим героям.

Евгений ДЕМЕНОК

Лермонтов в творчестве Олега Соколова

Михаил Юрьевич Лермонтов не бывал в Одессе. Существует красивая легенда о том, что бабушка его, Елизавета Алексеевна, привозила будущего великого поэта в Одессу ещё мальчиком, но, увы, легенда эта ничем не подтверждена. И, тем не менее, судьба Лермонтова связана с нашим городом удивительными и не очень заметными, на первый взгляд, нитями. Это, конечно же, та самая шумевшая публикация двух его стихотворений в "Одесском альманахе на 1840 год". Ставшие к сегодняшнему дню абсолютной классикой "Узник" и "Ангел" были тогда серьёзно и излишне жёстко раскритикованы Григорием Виссарионовичем Белинским в "Отечественных записках". Белинский писал о том, что "эти стихи, вероятно, принадлежат к самым первым опытам Лермонтова" и "нам, понимающим и ценящим его поэтический талант, приятно думать, что они не войдут в собрание его сочинений". Впрочем, другие критики объясняют столь необычный отзыв Белинского исключительно его нелюбовью к мистицизму и критикуют уже самого Белинского. Отзывы на альманах и опубликованные в нём стихотворения Лермонтова в других изданиях, в том числе — в "Литературной газете", кардинально противоположны — вплоть до восхищения. Разумеется, в "Одесском вестнике" от 2 марта 1840 года также опубликован положительный отзыв о стихотворениях. Ну ещё бы — Лермонтов был к тому времени всероссийской знаменитостью.

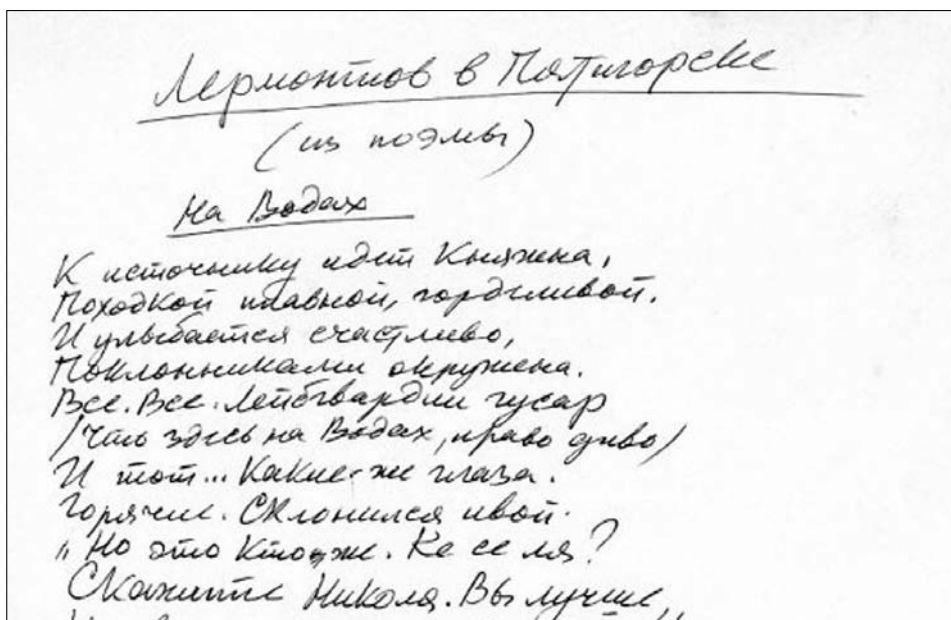
Есть ещё одна ниточка, связывающая великого поэта с нашим городом. Лев Сергеевич Пушкин. В 1842-м Лев Сергеевич переехал жить и работать в Одессу. А до этого — служил почти шесть лет на Кавказе в чине штабс-капитана, а потом и майора. По мнению Ираклия Андроникова, Лев Сергеевич познакомился с Михаилом Юрьевичем в 1837 году — в Ставрополе, Пятигорске или в доме А.Г. Чавчавадзе в Тифлисе. Оба они были участниками Галафеевской экспедиции 1840 года, вместе проводили конец 1840 года и первые дни 1841 года — в Ставрополе, в домах Граббе и Вревского. Пушкин и Лермонтов отличались остротой языка, о чём пишут А.И. Дельвиг, Э.А. Шан-Гирей и другие. Бывал Лев Сергеевич и у Лермонтова дома.

Ссора Лермонтова с Мартыновым в доме Верзилиных произошла в присутствии Льва Пушкина. Прямо в день гибели поэта, 15 июля 1841 года, буквально за несколько часов до этого, Пушкин виделся с Лермонтовым на пикнике в немецкой колонии Каррас (Шотландка) возле Пятигорска... Очевидец этих событий, некто Полевин, в своём письме из Пятигорска в Петербург пишет: "Пушкин Лев Сергеевич, родной брат нашего бессмертного поэта, весьма убит смертью Лермонтова", он был лучший его приятель. Лермонтов> обедал в этот день с ним и прочеею молодежью в Шотландке (в 6-ти верстах от Пятигорска) и не сказал ни слова о дуэли, которая должна была состояться чрез час. Пушкин уверяет, что эта дуэль никогда бы состоялась не могла, если б секунданты были не мальчики, она сделана против всех правил и чести".

В Одессе первое сообщение о смерти Михаила Юрьевича было опубликовано в 63-м номере "Одесского вестника" от 6 августа 1841 года. В статье А.С. Андреевского, присланной из Пятигорска, говорилось: "15-го июля, около 5-и часов вечера, разразилась ужасная буря с молнией и громом: в это самое время, между горами Машуком и Бештау, скончался лежавший в Пятигорске М.Ю. Лермонтов. С сокрушением смотрел я на привезенное сюда бездыханное тело поэта... Кто не читал его сочинений, проникнутых тем глубоким лирическим чувством, которое находит отголосок в душе каждого?..."

21 апреля 1842 года по просьбе Елизаветы Алексеевны Арсеньевой гроб с прахом Михаила Юрьевича Лермонтова привезен из Пятигорска в Тарханы, 23 апреля прах поэта погребён в фамильном склепе в Тарханах.

Следующая ниточка — Михаил Врубель. Лучший иллюстратор Лермонтовского "Демона". "Демон" стал визитной карточкой Врубеля и во многом Лермонтова. В 1891 году именно иллюстрации Михаила Александровича к юбилейному изданию собрания сочи-



нений Михаила Юрьевича оказались на порядок лучше работ Репина, Сурикова, Васнецова, Поленова... Врубель словно чувствовал Лермонтова лучше всех. А начиналось всё... в Одессе. Осенью 1885 года сбежавший в Одессу из Киева Врубель делает первые наброски к своему знаменитому "Демону сидящему". Он жил тогда в доме номер 18 по улице Софиевской — на нём теперь установлена мемориальная доска великому художнику.

Ниточка, ведущая уже в наше время, — это Олег Аркадьевич Соколов. И в первую очередь — не его знаменитая графика, а его стихи. Литературное творчество Олега Аркадьевича Соколова — это целый пласт, исследование которого только начинается. Я не знаю в Одессе другого такого художника, чьё литературное творчество было бы так тесно связано и сопоставимо по масштабу с собственным художественным творчеством. Виктор Сергеевич Никифоров в своих воспоминаниях об Олеге Соколове писал: "Олег Соколов кроме того ещё и поэт. Некоторые, кто его знает, считают, что он даже более велик как поэт, чем как художник".

Это вполне объяснимо — писать стихи Олег Соколов начал в юности, в середине тридцатых, и поэзия всю жизнь была его спутницей.

В 1937 году, в возрасте восемнадцати лет, Олег Аркадьевич начинает писать поэму "Лермонтов в Пятигорске", отрывки из которой можно найти в нескольких рукописных сборниках стихотворений, в частности, в сборнике "Железные цветы", куда вошли стихотворения 1937 — 1945 годов. Первый отрывок, "Рассвет", датирован 1937 годом. Отрывок "На водах" — 1941 годом.

Вот строки о поэзии из письма сестре Татьяне — письмо отправлено из Тбилиси, куда Олег Аркадьевич попал после ранения, и датировано 19.8.1944 года:

"Поэзия. Она убила во мне много хорошего. Вообще поэзия — это искусство, ведущее к пропасти душевной, а нередко и к смерти. Лермонтов. Я был в Пятигорске. Ну и местечко. За мной в долгу пятигорские улицы, цветники, горы. Целую и невредимую встречу после резни мечтает Олег сестру..."

Вот дошедшие до нас отрывки из поэмы:

ЛЕРМОНТОВ В ПЯТИГОРСKE

(отрывок из поэмы)

НА ВОДАХ

К источнику идет княжна
Походкой плавной, горделивой
И улыбается счастливо,
Поклонниками окружена.
Все. Все. Лейб-гвардии гусар
(что здесь, на водах, право, диво)
И тот... Какие же глаза
Горячие. Склонился ивой.
"Но это кто же? Ке се ля?
Скажите, Никола, Вы лучше".
Не взглянет даже. Веселят!..
.....
"Тенгинского пока поручик".
"Так это Лермонтов...
Однако".

1941.

РАССВЕТ

Хотел бы я в рассвет такой же синий
Навек покинуть свой родимый край.
Уйти куда-нибудь подальше от России,
Где мысль в плену, где правит Николай.
Где Пушкина так подло расстреляли.
И где на все легла престола тень.
Страна нужды, страна печали
И нищих срубов деревень.
Ты по апрель завалена в сугробы,
Но свят для нас твой неприятный кров.
И верность к родине храним до гроба,
И за тебя пролить готовы кровь.
О Петербург, на отпуск свой короткий
К тебе вернуться, в тяжелый твой рассвет,
Где летний сад? Снег на решетках.
Мария где? Забыла или нет?
Кто знает, может, в дикой тройке
Уж кони нас, храпя, не понесут,
Кто знает, может, через Мойку,
Меня, как Пушкина, жандармы повезут.
Но день расплаты все-таки настанет,
Она придет, желанная заря.
Ты подавил в крови одно восстание,
Но не подавишь дни другого декабря.
Тогда поднимутся голодные, босые.
Нет, не смогу я жить в чужом краю,
Нет, не смогу, ты все-таки Россия,
Я верю в гнев и молодость твою.

1937.

Судьба Лермонтова и его драма волновали Олега Соколова на протяжении всей его жизни. Лермонтов был для него если не идеалом, то очень высоким образцом — и как творца, и как человека. Это видно в последних строках раннего, военного стихотворения "Пролог":

ПРОЛОГ

Я с дьяволом вступил в торги:
"За душу, бытие в довольстве".
И стягивает быт круги,
Всё к худшему. Замечен в свойстве
Исподтишка хихикнуть, лгать,
Ходить, сутулясь,
Подбирать окурки.
И только в снах тревожит
Душу мать.
И только в снах
Я в лермонтовской бурке.

1942.

У Олега Аркадьевича есть целый ряд графических работ, посвящённых Лермонтову. На одной из них — газетная вырезка со стихотворением Беллы Ахмадулиной "Лермонтов и дитя". На другой — цитата из поэмы "Мцыри":

Но что мне в том? — пускай в раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдёт себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и тёмных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

К сожалению, остальные части поэмы "Лермонтов в Пятигорске" нам пока не удалось обнаружить. Надеемся, что они сохранились и со временем поэма станет цельной — к удовлетворению поклонников творчества Олега Соколова, которых и в Одессе, и за её пределами предостаточно.

В день освобождения Одессы Красной Армией, т.е. 10 апреля 1944 года ГЛУЩЕНКО явился к начальнику отдела "А" УНКГБ Одесской области майору госбезопасности ША-ПОВАЛОВУ и сообщил ему о судьбе резидентуры КАЛОШИНА.

12 апреля 1944 года ГЛУЩЕНКО в сопровождении группы бойцов Красной Армии был направлен в катакомбы для изъятия оставленных там документов резидентуры.

После обнаружения и передачи бойцам указанных документов ГЛУЩЕНКО А.Я. там же в катакомбах случайно подорвался гранатой и 14.04.1944 года умер в Одесской городской больнице.

(Обстоятельства гибели Александра Глущенко до сих пор вызывают массу вопросов. Исходя из тех документов, которые уже найдены в архивах, очень сложно поверить в случайность его гибели, — прим. авт.)

Оставшийся в живых из всей резидентуры КАЛОШИНА один участник внешней группы, быв. разведчик 3 спецотдела УНКВД по Одесской области МОЛУКАЛО Н.З. арестован нами 24 мая 1944 года как агент сигуранцы и передан со всеми компрометирующими его материалами в распоряжение УНКГБ Одесской области для ведения следствия.

(Молюкало вскоре был расстрелян за измену Родине, — прим. авт.)

На основании изложенного
ПОЛАГАЮТ:

1. Расследование по делу резидентуры считать законченным, материалы сдать на хранение в архив 4 управления НКГБ СССР.

2. Назначить пенсии семьям всех погибших в тылу противника членов резидентуры, за исключением предателей — СЕМЕРЮНИК Е.А., ПРОХОРЦЕВА М.Л., АВРАМЕНКО К.А. и МОЛУКАЛО Н.З.

(Как мне рассказывали родственники погибших бойцов группы Кузнецова — Калошина, семьи действительно после войны получили пенсии и медали "Партизану Отечественной войны". Но никто им так и не объяснил, что произошло с их отцами и сыновьями. В извещениях было написано кратко: "Погиб при исполнении специального задания в г. Одессе", — прим. авт.)

ЗАМ НАЧ СЛЕДСТВЕННОГО ОТДЕЛЕНИЯ 7 ОТД

4 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР капитан госбезопасности АНТОНОВ.

СОГЛАСНЫ: ЗАМ НАЧ 7 ОТДЕЛА 4 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР подполковник госбезопасности БОРИСКОВСКИЙ

НАЧАЛЬНИК 4 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР комиссар госбезопасности 3 ранга СУДОПЛАТОВ

Сразу после первого прочтения этой справки мне было сложно осознать причины произошедшего и разобраться в собственных эмоциях. Только долгая работа с их личными делами, накопление документов, работа под землёй позволили адекватно проанализировать всё, что произошло в группе Кузнецова — Калошина. Надо уразуметь, что это были обыкновенные люди со своими слабостями, страхами, боязнями и переживаниями. Кто знает, как мы вели бы себя в то время, в таких условиях и в таком окружении?! Не будем их судить, но попробуем их понять. Попробуем ощутить то, что они испытывали, попробуем разобраться, почему они поступали так, а не иначе.

Мне приходилось находиться достаточно длительное время в жёстких условиях замкнутого пространства. И даже при том, что у меня и моих "коллег по несчастью" была возможность постоянно видеть солнечный свет, дышать чистым воздухом и относительно нормально питаться, напряжённость отношений между нами росла день ото дня и периодически выливалась в достаточно кровавые драки. И это при том, что у меня и условия были помягче, и коллектив побольше... А в отряде Кузнецова — Калошина всё было намного жёстче. Намного! И их никто не подбирал на совместимость, как космонавтов перед полётом. Они уходили под землю по приказу. И, как смогли, его выполняли.

Нет, мы не вправе их осуждать.

Сегодня известны почти все обстоятельства деятельности этой группы. Мне удалось отыскать и пообщаться с родственниками нескольких бойцов и получить от них довоенные фотографии ребят. В управлении СБУ Одесской области удалось создать целый стенд, посвящённый этой группе. Почти готова книга об их деятельности. Я побывал на Слободском кладбище, на могиле А. Глущенко. С точностью до нескольких метров установлено, где именно под Молдаванкой, в затопленном участке катакомб, покоятся останки 18 бойцов и командиров этого диверсионно-разведывательного подразделения. Очень хочется, чтобы однажды в Одессе появился памятник этим героям.

Евгений ДЕМЕНОК

Лермонтов в творчестве Олега Соколова

Михаил Юрьевич Лермонтов не бывал в Одессе. Существует красивая легенда о том, что бабушка его, Елизавета Алексеевна, привозила будущего великого поэта в Одессу ещё мальчиком, но, увы, легенда эта ничем не подтверждена. И, тем не менее, судьба Лермонтова связана с нашим городом удивительными и не очень заметными, на первый взгляд, нитями. Это, конечно же, та самая шумевшая публикация двух его стихотворений в "Одесском альманахе на 1840 год". Ставшие к сегодняшнему дню абсолютной классикой "Узник" и "Ангел" были тогда серьёзно и излишне жёстко раскритикованы Григорием Виссарионовичем Белинским в "Отечественных записках". Белинский писал о том, что "эти стихи, вероятно, принадлежат к самым первым опытам Лермонтова" и "нам, понимающим и ценящим его поэтический талант, приятно думать, что они не войдут в собрание его сочинений". Впрочем, другие критики объясняют столь необычный отзыв Белинского исключительно его нелюбовью к мистицизму и критикуют уже самого Белинского. Отзывы на альманах и опубликованные в нём стихотворения Лермонтова в других изданиях, в том числе — в "Литературной газете", кардинально противоположны — вплоть до восхищения. Разумеется, в "Одесском вестнике" от 2 марта 1840 года также опубликован положительный отзыв о стихотворениях. Ну ещё бы — Лермонтов был к тому времени всероссийской знаменитостью.

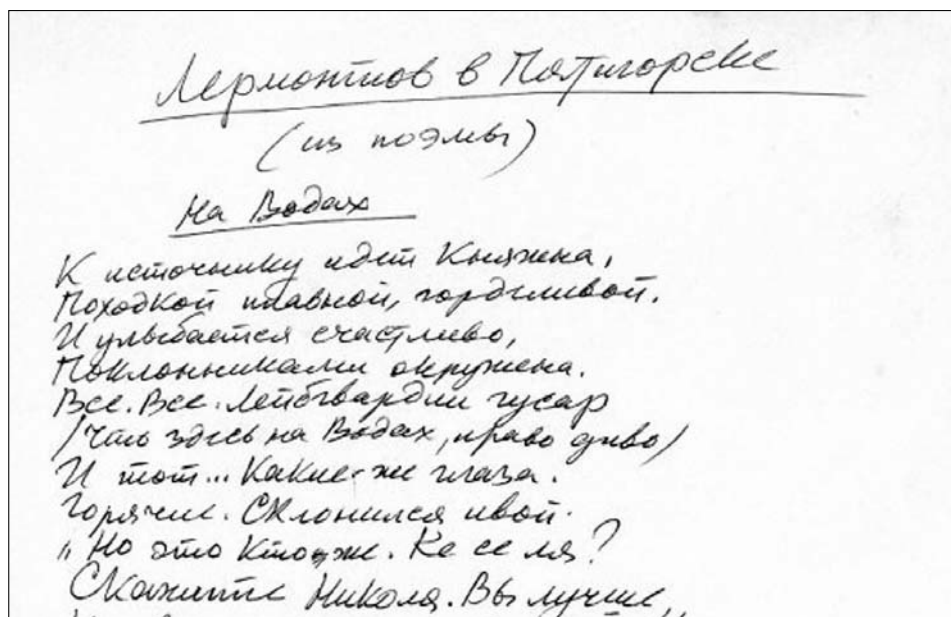
Есть ещё одна ниточка, связывающая великого поэта с нашим городом. Лев Сергеевич Пушкин. В 1842-м Лев Сергеевич переехал жить и работать в Одессу. А до этого — служил почти шесть лет на Кавказе в чине штабс-капитана, а потом и майора. По мнению Ираклия Андроникова, Лев Сергеевич познакомился с Михаилом Юрьевичем в 1837 году — в Ставрополе, Пятигорске или в доме А.Г. Чавчавадзе в Тифлисе. Оба они были участниками Галафеевской экспедиции 1840 года, вместе проводили конец 1840 года и первые дни 1841 года — в Ставрополе, в домах Граббе и Вревского. Пушкин и Лермонтов отличались остротой языка, о чём пишут А.И. Дельвиг, Э.А. Шан-Гирей и другие. Бывал Лев Сергеевич и у Лермонтова дома.

Ссора Лермонтова с Мартыновым в доме Верзилиных произошла в присутствии Льва Пушкина. Прямо в день гибели поэта, 15 июля 1841 года, буквально за несколько часов до этого, Пушкин виделся с Лермонтовым на пикнике в немецкой колонии Каррас (Шотландка) возле Пятигорска... Очевидец этих событий, некто Полевин, в своём письме из Пятигорска в Петербург пишет: "Пушкин Лев Сергеевич, родной брат нашего бессмертного поэта, весьма убит смертью Лермонтова", он был лучший его приятель. Лермонтов> обедал в этот день с ним и прочее молодёжью в Шотландке (в 6-ти верстах от Пятигорска) и не сказал ни слова о дуэли, которая должна была состояться чрез час. Пушкин уверяет, что эта дуэль никогда бы состоялась не могла, если б секунданты были не мальчики, она сделана против всех правил и чести".

В Одессе первое сообщение о смерти Михаила Юрьевича было опубликовано в 63-м номере "Одесского вестника" от 6 августа 1841 года. В статье А.С. Андреевского, присланной из Пятигорска, говорилось: "15-го июля, около 5-и часов вечера, разразилась ужасная буря с молнией и громом: в это самое время, между горами Машуком и Бештау, скончался лежавший в Пятигорске М.Ю. Лермонтов. С сокрушением смотрел я на привезенное сюда бездыханное тело поэта... Кто не читал его сочинений, проникнутых тем глубоким лирическим чувством, которое находит отголосок в душе каждого?..."

21 апреля 1842 года по просьбе Елизаветы Алексеевны Арсеньевой гроб с прахом Михаила Юрьевича Лермонтова привезен из Пятигорска в Тарханы, 23 апреля прах поэта погребён в фамильном склепе в Тарханах.

Следующая ниточка — Михаил Врубель. Лучший иллюстратор Лермонтовского "Демона". "Демон" стал визитной карточкой Врубеля и во многом Лермонтова. В 1891 году именно иллюстрации Михаила Александровича к юбилейному изданию собрания сочи-



нений Михаила Юрьевича оказались на порядок лучше работ Репина, Сурикова, Васнецова, Поленова... Врубель словно чувствовал Лермонтова лучше всех. А начиналось всё... в Одессе. Осенью 1885 года сбежавший в Одессу из Киева Врубель делает первые наброски к своему знаменитому "Демону сидящему". Он жил тогда в доме номер 18 по улице Софиевской — на нём теперь установлена мемориальная доска великому художнику.

Ниточка, ведущая уже в наше время, — это Олег Аркадьевич Соколов. И в первую очередь — не его знаменитая графика, а его стихи. Литературное творчество Олега Аркадьевича Соколова — это целый пласт, исследование которого только начинается. Я не знаю в Одессе другого такого художника, чьё литературное творчество было бы так тесно связано и сопоставимо по масштабу с собственным художественным творчеством. Виктор Сергеевич Никифоров в своих воспоминаниях об Олеге Соколове писал: "Олег Соколов кроме того ещё и поэт. Некоторые, кто его знает, считают, что он даже более велик как поэт, чем как художник".

Это вполне объяснимо — писать стихи Олег Соколов начал в юности, в середине тридцатых, и поэзия всю жизнь была его спутницей.

В 1937 году, в возрасте восемнадцати лет, Олег Аркадьевич начинает писать поэму "Лермонтов в Пятигорске", отрывки из которой можно найти в нескольких рукописных сборниках стихотворений, в частности, в сборнике "Железные цветы", куда вошли стихотворения 1937 — 1945 годов. Первый отрывок, "Рассвет", датирован 1937 годом. Отрывок "На водах" — 1941 годом.

Вот строки о поэзии из письма сестре Татьяне — письмо отправлено из Тбилиси, куда Олег Аркадьевич попал после ранения, и датировано 19.8.1944 года:

"Поэзия. Она убила во мне много хорошего. Вообще поэзия — это искусство, ведущее к пропасти душевной, а нередко и к смерти. Лермонтов. Я был в Пятигорске. Ну и месечко. За мной в долгу пятигорские улицы, цветники, горы. Целую и невредимую встретить после резни мечтает Олег сестру..."

Вот дошедшие до нас отрывки из поэмы:

ЛЕРМОНТОВ В ПЯТИГОРСKE

(отрывок из поэмы)

НА ВОДАХ

К источнику идет княжна
Походкой плавной, горделивой
И улыбается счастливо,
Поклонниками окружена.
Все. Все. Лейб-гвардии гусар
(что здесь, на водах, право, диво)
И тот... Какие же глаза
Горячие. Склонился ивой.
"Но это кто же? Ке се лэ?
Скажите, Никола, Вы лучше".
Не взглянет даже. Веселят!..
.....
"Тенгинского пока поручик".
"Так это Лермонтов...
Однако".

1941.

РАССВЕТ

Хотел бы я в рассвет такой же синий
Навек покинуть свой родимый край.
Уйти куда-нибудь подальше от России,
Где мысль в плену, где правит Николай.
Где Пушкина так подло расстреляли.
И где на все легла престола тень.
Страна нужды, страна печали
И нищих срубов деревень.
Ты по апрель завалена в сугробы,
Но свят для нас твой неприятный кров.
И верность к родине храним до гроба,
И за тебя пролить готовы кровь.
О Петербург, на отпуск свой короткий
К тебе вернуться, в тяжелый твой рассвет,
Где летний сад? Снег на решетках.
Мария где? Забыла или нет?
Кто знает, может, в дикой тройке
Уж кони нас, храпя, не понесут,
Кто знает, может, через Мойку,
Меня, как Пушкина, жандармы повезут.
Но день расплаты все-таки настанет,
Она придет, желанная заря.
Ты подавил в крови одно восстание,
Но не подавишь дни другого декабря.
Тогда поднимутся голодные, босые.
Нет, не смогу я жить в чужом краю,
Нет, не смогу, ты все-таки Россия,
Я верю в гнев и молодость твою.

1937.

Судьба Лермонтова и его драма волновали Олега Соколова на протяжении всей его жизни. Лермонтов был для него если не идеалом, то очень высоким образцом — и как творца, и как человека. Это видно в последних строках раннего, военного стихотворения "Пролог":

ПРОЛОГ

Я с дьяволом вступил в торги:
"За душу, бытие в довольстве".
И стягивает быт круги,
Всё к худшему. Замечен в свойстве
Исподтишка хихикнуть, лгать,
Ходить, сутулясь,
Подбирать окурки.
И только в снах тревожит
Душу мать.
И только в снах
Я в лермонтовской бурке.

1942.

У Олега Аркадьевича есть целый ряд графических работ, посвящённых Лермонтову. На одной из них — газетная вырезка со стихотворением Беллы Ахмадулиной "Лермонтов и дитя". На другой — цитата из поэмы "Мцыри":

Но что мне в том? — пускай в раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдёт себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и тёмных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

К сожалению, остальные части поэмы "Лермонтов в Пятигорске" нам пока не удалось обнаружить. Надеемся, что они сохранились и со временем поэма станет цельной — к удовлетворению поклонников творчества Олега Соколова, которых и в Одессе, и за её пределами предостаточно.

Леонид ГЕРВИЦ Как рождаются этюды

Солнце выжигало Одессу уже вторую неделю кряду. Покрытые тяжелой августовской пылью поля и сады Люстдорфа застыли в ожидании хоть какой-нибудь влаги. Полуденная тишина, лишь иногда нарушаемая перекличкой кузнечиков, плотно висела над прибрежными дачами.

Я сошел с пригородного трамвая и неспешно побрел к берегу, где меня ждали вкусный мамин обед, звук перекладываемой посуды в маленькой кухне-пристройке, легкий бриз, слегка шевеливший ажурными побегами виноградной лозы, отдаленный шум прибора далеко внизу, под обрывами.

Если идти по асфальту, кое-где покрывавшему предместье, дорога со станции казалась слишком долгой и нудной. Гораздо короче и веселее было идти через баштан соседнего совхоза, огромный и густо засеянный. От станции его отделяла жидкая лесополоса, где и начиналась тропка, бежавшая невидимо среди арбузных зарослей полем наискосок и кончавшаяся уже вдаль, у наших дач.

Где-то посреди этого зеленого пространства был хорошо виден низкий шалаш, наспех крытый соломой и большими листьями придорожных лопухов, кое-где прижатых толем. Возле этого шалаша я часто видел сторожа, маленького человека в большой и цвететшей форменной фуражке. Он то сидел на полусломанном ящике, то стоял, слегка возвышаясь над кудрявой зеленой баштана.

В своих не по размеру фуражке и таком же кителе он несколько смахивал на огородное пугало. Роль пугала, собственно, и была ему предназначена, только не против птиц, а против людей — любителей полакомиться задарма сладкими одесскими арбузами.

Много раз я проходил мимо по тропинке среди ползущей по земле арбузной зелени с желтыми цветками и то видел сторожа, то нет, если он сидел в тени своего нехитрого и шаткого сооружения.

Однажды я решился, отложив все дела, подойти к шалашу. Сторож был на месте и, сидя наполовину в шалаше, дымил сигареткой. Как положено, рядом валялся размякший на жару пес, который только повел ухом да приоткрыл один глаз при моем приближении. Я присел на ящик. Мы разговорились. Старый служака говорил не быстро, посасывая сигаретку.

Голос его сипловато звучал на фоне оркестра ошалелых от зноя кузнечиков.

Я услышал историю жизни старого николаевского солдата, а ныне совхозного сторожа. Глядя в сторону моря, он говорил: "А вот, помню тоже, приехал в Россию президент Франции Пуанкаре, и было это аккурат перед первой войной в 1914 году. Идут они с царем по плацу, а было это, как сейчас помню, в Петергофе, и мой полк в почетном карауле стоял, а я — как самый короткий — в самом конце. Дошли они до меня, и Пуанкаре что-то

сказал Николаю. Царь ко мне и спрашивает: "Кто таков?" Тут мой собеседник выступил вперед перед шалашом, встал во фронт, приложил свою коричневую в ссадинах руку к запертому козырьку и с пафосом отдекламировал: "Десятого Гусарского Ингерманландского его Королевского Высочества Великого герцога Саксен-Веймарского полка рядовой Мезенцев".

Ответ этот и все действие повергли меня в веселое недоумение. "Вот тебе и сторож", — подумал я, все более заражаясь этой историей. Похоже было, что старый служака не врал.

Я сидел на ящике верхом, что несколько возвышало меня над коротышкой гусаром, тихо и неспешно поведавшим мне всю историю. "Пуанкаре опять что-то говорит царю. Николай меня снова спрашивает: "А что, — говорит, — отдашь ты жизнь за своего царя?" "Отдам, — отвечаю, — Ваше Императорское Величество, как есть, отдам". Француз, услышав это, что-то сказал с улыбкой, видать, ответ мой понравился. А царь и говорит адъютанту: "Дать рядовому Мезенцеву три золотых за хорошую службу". Тут меня как черт попутал, что-то в голове щелкнуло, и говорю: "Ваше Императорское Величество, мне бы лучше домой съездить. Мать отписала — крыша совсем прохудилась, починить бы надо". Сказал — и замер, и сам не знаю, как дух перевести, только глазами хлопаю. Тогда

Николай поворачивается к полковому нашему командиру полковнику Богородскому и приказывает: домой на 3 дня меня отпустить и 10 золотых мне дать на дорогу и починку дома. Так и случилось, мил человек", — завершил свою речь сторож и занялся другой половиной сигаретки.

Заслушавшись этим рассказом и не зная, верить ему или нет, я еще сидел какое-то время на баштане, пока голод не согнал меня с ящика, и, простившись с дедом, я пошел домой. Уже на краю баштана я оглянулся назад: гусар Мезенцев, собеседник русского царя и президента Франции, стоял в уже низких лучах горячего черноморского солнца и молча глядел куда-то на закат, прикрыв глаза рукой, точь-в-точь как на суриковской картине "Огородник".

Близился конец лета, заканчивались мои каникулы, и вскоре я уехал назад в Ленинград, в Академию художеств.

С тех моих студенческих пор прошло 45 лет. Но забавный образ коренастого и находчивого русского солдата то и дело всплывал в моей памяти.

Когда же пришла эра Интернета, мне захотелось проверить подлинность, с какой мне запомнилась эта занятная история.

Можете это сделать и вы, дорогой читатель, и так же, как и я, убедиться в ее полной достоверности.

Напоследок хочу заметить, что, может быть, эта встреча на петергофском плацу помогла в то время сомневающейся Франции заключить военный союз с Россией.

Ну а о том, что потом уже случится, ни президент Пуанкаре, ни Николай II, ни гусар Мезенцев в то время знать не могли.

А знал только один всемогущий Бог. Правда, теперь знаем и мы с вами.

Анатолий ГОРБАТЮК "Золотая труба Одессы"

К 75-ЛЕТИЮ АРКАДИЯ АСТАФЬЕВА

Этот одаренный музыкант, безусловно, входил в когорту лидеров одесского джаза второй половины ушедшего столетия. Не получив должного музыкального образования, благодаря врожденным способностям и прослушиванию концертов своих кумиров: Л. Армстронга, Д. Гиллеспей, М. Девиса и других корифеев, — Астафьев в короткое время становится блестящим трубачом-импровизатором и получает приглашения в самые престижные оркестры бывшей огромной страны. И сегодня при упоминании имени Астафьева сам Анатолий Кролл многозначительно поднимает указательный палец: "Да, большой музыкант!.."

Впрочем, уезжать из Одессы Аркадий не особенно стремился, разве что в поисках быстрого (не путать с легким) заработка рвануть на несколько месяцев с концертной бригадой по солнечной Сибири, Дальнему Вос-

току, Средней Азии... За несколько таких поездок музыканты рачительные (попадались и такие) покупали желанные "Жигули" или приобретали кооперативную квартиру. Аркадий же — широкая бесшабашная натура — накрывал один за другим длинные столы в лучших ресторанах Одессы. Близкие и не очень близкие друзья недоуменно переглядывались ("Вот, мол, шальной!"), но в застолье участвовали с искренним удовольствием. Через какое-то время деньги заканчивались, и Астафьев отправлялся в очередную поездку...

Но не думайте, что, находясь в Одессе, наш герой только и занимался кутежами. Боже упаси! Астафьев, в силу непререкаемого авторитета среди музыкантов, играл в лучших, престижнейших ресторанах Города: на морвокзале, в "Красном", "Лондонской", "Киеве", "Море"... При этом оркестранты лю-

бого из коллективов принимали Аркадия с распростертыми объятиями не только, так сказать, из любви к джазу. Все они хорошо знали: туда, где звучит труба (или корнет) Астафьева, обязательно придут покурить люди, представляющие одесский деловой мир, те, кого обычно называли "жирный клиент". Рассказывая о популярности нашего трубача, забегу чуть вперед, чтобы рассказать о посещении им Соединенных Штатов Америки, куда Астафьев прибыл, воспользовавшись приглашением друзей, в 1998 году. Так вот, находясь сначала в Нью-Йорке, а потом в Лос-Анджелесе, он с огромным успехом играл в так называемых "русских" ресторанах, демонстрируя слегка обалдевшим нашим эмигрантам, покинувшим Одессу в далеких 1970-х, неувядающее отточенное мастерство трубача-солиста. Прием был, прямо скажем, потрясающий!

Обладая абсолютным слухом, этот, прямо скажем, выдающийся трубач без всяких репетиций вливался в любой состав, на ходу подхватывая самую сложную в техническом отношении мелодию. Помню, как однажды в филармоническом биг-бенде под управлением светлой памяти Евгения Болотинского (Астафьев, конечно же, был солистом и в этом коллективе) приглашенные Евгением Наумовичем звезды первой величины ленинградского джаза не могли сдержать возмущения, хорошо замешанного на элементарной человеческой зависти: "Занимаешься по десять часов в день, а этот приходит за полчаса до концерта, даже не раздувается, а играет, как Бог!"... Впрочем, никто и никогда не мог упрекнуть Аркадия Леонидовича в безответственном, поверхностном отношении к исполняемому им произведениям. Будь то известная, много раз сыгранная джазовая пьеса или сложный "Духовный концерт" великого Дюка Эллингтона, с огромным успехом исполненный молодежным биг-бэндом Николая Голощапова, в котором Астафьев выступил в качестве солиста, — неизменно продуманное соло в "железных" рамках гармонии, точно выверенная нюансировка, а в подарок — долгие аплодисменты все понимающей одесской публики.

Много лет тому назад впечатлительные одесситы называли Аркадия Астафьева "Золотой трубой Одессы", и здесь не усматривалось никакого преувеличение, ибо то, что выделял на своем инструменте этот музыкант, неизменно приводило в восторг самую взыскательную публику.

Астафьева, безусловно, следует причислить к истинным самородкам, которые периодически рождаются на славной одесской почве. Свои первые шаги в музыке он делал в духовом оркестре мореходного училища под руководством известного дирижера "ду-

ховика" Януса. Вспоминает Аркадий этого незаурядного дирижера всегда с благодарностью и легкой иронией. Дело в том, что у маэстро Аркадий не только учился игре на трубе, но и впервые, будучи не очень, мягко говоря, организованным подростком, познакомился с граненым стаканом водки...

Как я уже сказал, в силу различных обстоятельств Аркадий не получил должного музыкального образования, все постигал сам, жадно принимая ухом к старенькому приемнику, доносившему сквозь треск и вой габэвских "глушилок" чарующие звуки настоящего американского джаза; не пропуская ни один джем-сешн с гастролировавшими в Одессе музыкантами — исполнителями полупрещенной в те времена джазовой музыки.

Аркадий вырос без отца. Но какая же у него была мама! Эта обаятельная женщина, страдавшая близорукостью, но никогда не сидевшая без дела, прибегая к работам, сразу бросалась к плите, чтобы сотворить для любимого сыночка и оравы его всегда голодных многочисленных друзей нечто необыкновенно вкусное. Ах, эта таявшая во рту фаршированная рыба, эти листья салата в кислом соусе, эта икра из "синеньких", эти блинчики из кабачков и еще много, много чисто одесских изысков!.. И все это делалось, что называется, от чистого сердца, с доброй улыбкой. Такой же была и старшая сестра Жанна, нежно любящая брата. Мамы, Марии Самойловны, давно нет, она ушла в далеком 1980-м, Жанна с семьей живет в Лос-Анджелесе, через океан пытаясь (замечим в скобках: без всякого видимого успеха) повлиять на рацион брата...

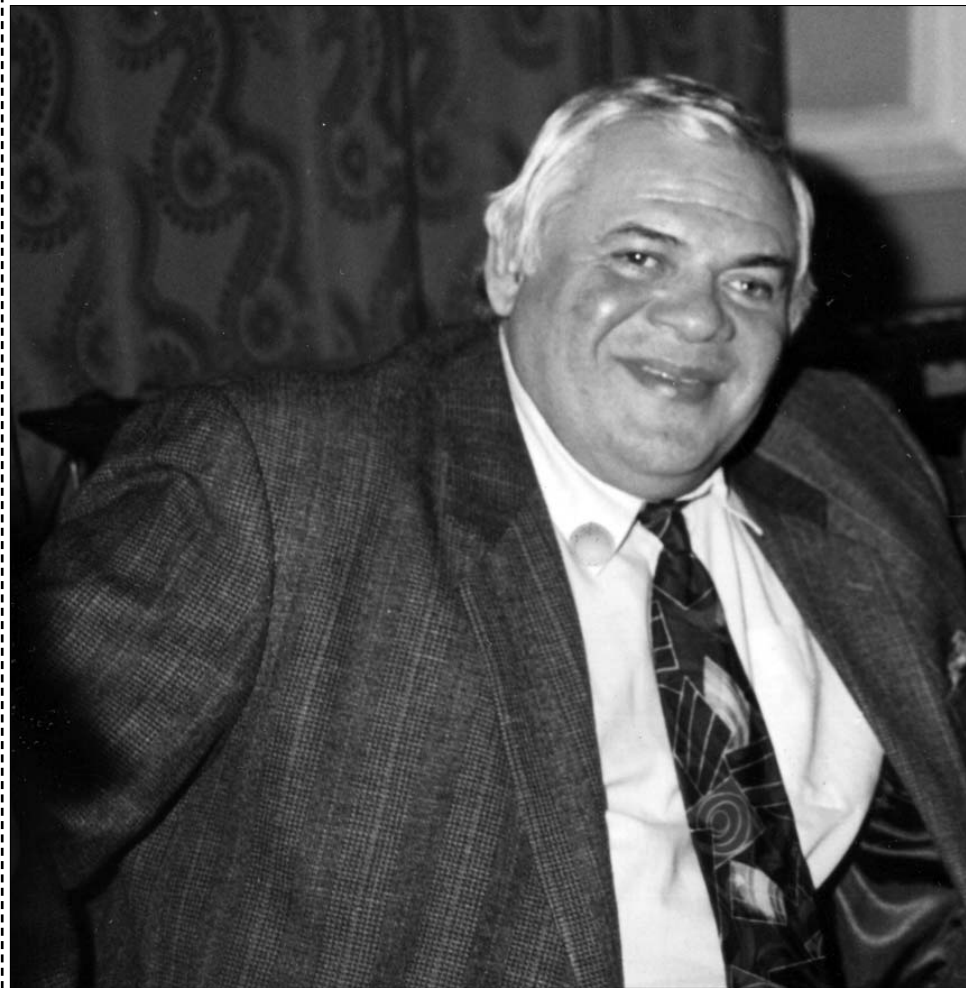
Рассказывая об этом одесском Армстронге, следует вспомнить его удивительно чувство юмора — постоянного спутника жизни нашего неутомимого балагура и шутника. Его шутки и сегодня звучат в среде одесских (и не только одесских) музыкантов совсем другого поколения.

Когда накатили лихие 90-е и для одесских музыкантов наступили тяжелые времена, Город, его преуспевающие предприниматели оказались неспособными поддержать тех, кто долгие годы улажал их слух добротной музыкой. К сожалению, навсегда ушли благодатные времена, когда в Одессе слова "предприниматель" и "меченат" стояли обязательно рядом. Сегодняшние нувориши этой "слабостью" не страдают. Многие великолепные одесские музыканты вынуждены были эмигрировать. Так оказался в Гамбурге и герой нашего очерка.

Сегодня этот талантливый музыкант уже не радуется слушателей чарующими звуками своей трубы: здоровье не то, да и 75 — это тоже, знаете...

Каждый год Аркадий Астафьев приезжает на свидание с любимым Городом, по которому безумно скучает и жизнью которого, как и прежде, живо интересуется. А разве может быть как-то иначе, если речь идет о настоящем одессите?

Долгих лет тебе жизни, "Золотая труба Одессы", и прими напоследок мой дружеский совет: не держи обиды на Город, в неповторимой ауре которого ты состоялся, но который не смог воздать тебе должное и поддержать тебя, когда ты в этом очень нуждался. Поверь мне, Город наш ни в чем не виноват...



Сергей СЕДЫХ

Музей — дом муз

115-ЛЕТИЮ ОДЕССКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ ПОСВЯЩАЕТСЯ

История, по сути, должна быть беспристрастной, но соткана она из страстей. Даже если это история музея. И что может лучше отразить ее события, чем скупые строки милицейских протоколов и эмоциональные (пылкие) заявления пострадавших? Именно такие документы были обнаружены в Государственном архиве Одесской области. Их публикация не станет научным открытием, но мелкими деталями и фактами, отображенными в них, сможет дополнить картину жизни в Одессе в первые месяцы после освобождения города от румынских оккупантов в 1944 году. Во всех документах сохранена орфография оригинала.

ГАОО Р-5585 оп. 1, ед. хр. 3, л. 67

Начальнику 8 отд. городской милиции.

Одесская художественная картинная галерея
VIII-1944г.

№ 97.

13 [...] в 9 часов утра к воротам Художественной картинной галереи подъехала площадка, на которой находилось 4 чел. Они погрузили на площадку лежавшие на земле, приготовленные для установления, ворота. На вопрос дежурной по галерее т. Ильницкой на основании чего они берут ворота — один из них, извозчик, показал ей бумагу, сказав, что это делается с разрешения директора Галереи.

Так как дежурная усомнилась в правильности этого документа она пошла позвать завхоза галереи т. Дмитриеву. В это время упомянутые люди ударили по лошади и стали поспешно удаляться. Дежурная т. Ильницкая бросилась их преследовать и настигла возле д. № 7 по Коблевской ул. Ворота дома они в это время закрывали, но т. Ильницкая вошла во двор, и там увидела, что ворота, принадлежавшие Художественной Галерее, сгружаются с подводы.

На предложение тов. Ильницкой немедленно возвратит ворота, люди, похитившие их, предложили ей водки, что бы на этом поладить.

На основании изложенного прошу привлечь к ответственности виновников хищения ворот и принять меры к немедленному возврату ворот. Директор /Нестеров/.

Неизвестно, к какой ответственности привлекли виновников, но ворота были возвращены. Сегодня они в измененном виде, после ремонта, украшают вход в музей. Немного истории: ограда и ворота были отлиты в С.-Петербурге и доставлены в Одессу. Судя по элементам ограды — "кавалерским крестам", повторяющим элементы герба Любич, находящегося на фронте здания, решетка и ворота были установлены во времена владения зданием Станиславом Юрьевичем. Интересно иллюстрирует этот документ фотография, хранящаяся в архиве ОХМ, на которой видны снятые ворота и поврежденная ограда. Несмотря на все усилия руководства музея восстановить их удалось только через несколько лет.



Одесская картинная галерея. 1946 (?) год. Архив ОХМ. Ф. 159.

Не менее интересным представляется другой снимок из того же архива. На нем ворота и ограда все еще не восстановлены. На фотографии хорошо видна деревянная будка, которую хорошо помнят старожилы: она простояла до конца пятидесятих годов. Рабочие, после смены поднимавшиеся с Пересыпи, останавливались у нее попить пива. На щите, примостившемся на ограде, висит афиша Украинского драматического театра, гордо носившего имя Революции. На ней можно рассмотреть название спектакля "Дай сердцеві волю, заведе в неволю", премьера которого состоялась в июле 1947 года. Солдат, сидящий на вешешке, курит махорку. Составленные столы, с которых продают старые книги. Рядом крутится любопытный босногий мальчишка. Возможно, именно так выглядели герои следующего документа.



Одесская картинная галерея. 1947 (?) год. Архив ОХМ. Ф. 155.

Начальнику 8 отд. Милиции г. Одессы.

Одесская художественная картинная галерея

октябрь-1944г.

№.

24— ого октября работником картинной галереи т. Тилеш.. Александром были задержаны школьники Задорожный Сергей Иванович, Задорожный Леонид Иванович проживающие по ул. Короленко 8 кв.20 и Коньков, проживающий в том же доме кв. 25. Задержанные побили стекла в Картинной галерее в количестве 8, разм. 45х58, всего на сумму 700 руб...

Родители Задорожного: Задорожный Иван Харитонович работает на Электросети, Конько мать Валентина Николаевна работает в спецторге. Прошу взыскать с виновника, за причиненный урон Государственной картинной галерее 700 руб. Одновременно[сообщить в] 105 школу. Директор, Секретарь.

Бы ли взыскан ущерб, осталось неизвестным. Можно живо представить, какотреагировали в школе № 105. Но по архивной фотографии видно, что оконные стекла в музее не один год привлекали внимание местных озорников, вплоть до 1948 года, когда был проведен ремонт здания.



Одесская картинная галерея. Архив ОХМ. Ф. 134.

Первые послевоенные годы были трудными. Не хватало угля для отопления, еще не отменены карточки* и продовольствие распределялось по предприятиям. Сотрудники музея направлялись на 3 — 4 месяца для работы в колхозы, чтобы обеспечить себя продуктами. Не лишним было и подсобное хозяйство. К зданию музея с тыльной стороны (ныне это бульвар Жванецкого) прилегал небольшие палисадники, которые после войны использовали под огороды, за которыми ухаживали сотрудники, проживавшие тут же в музее (сейчас в этих помещениях расположены административные и вспомогательные службы). Свободных площадей в этом районе для таких "хозяйств" не хватало, что приводило к спорам.

ГАОО Р-5585 оп1 ед.хр3, л.74.

Начальнику 8 милиции.

Одесская художественная картинная галерея
8 сентября - 1944 г.

№ 116.

Мной неоднократно было замечено, что работник В[одного]/района милиции выводит корову на пастбище.

Прошу В[ашего]/распоряжения о категорическом запрете вывоза на территории Музея коровы.

Директор В. Нестеров. Секретарь Н. Маркова

Автором этих заявлений был директор Одесской картинной галереи Нестеров Валерий Федорович, руководивший ею с 10 июня 1944-го по апрель 1953 года.



Согласно Постановлению № 581 СНК УССР от 31.05.1944, Музей русско-украинского искусства переименован в Художественную картинную галерею (ныне Одесский художественный музей).

* Продовольственные карточки в СССР были отменены в декабре 1947 года.

Аркадий ГРИНЬ

Фиалка Монмартра снова в Одессе

В конце августа минувшего года театр музыки поставил классическую оперетту "Фиалка Монмартра" И. Кальмана. После дидактического позорного (пусть и не всеми понимаемого), выразившегося в своего рода "одессиаде" ("Граф Воронцов" и "Хаджибей"), после творческих поисков своего места в антиискусстве коллектив снова обратился к искусству. Это уже не первое произрастание "Фиалки" в Одессе: в театре Водяного она была поставлена в 1963 г. А. Барсегяном (бывшим в 1962 — 1964 гг. главным режиссёром театра), а роль Виолетты явилась в ней, по мнению знатоков, лучшей у замечательнейшей Людмилы Сатосовой (наряду с ролью Элизы Дулиттл в "Моей прекрасной леди"). Игрался он в 1940-е годы и старой одесской опереттой, той, к несчастью, забытой ныне, что располагалась перед войной в здании, построенном для Народной аудитории на месте нынешнего кинотеатра "Родина", а после войны работавшей во дворе дома № 12 по Театральному пер. (Чайковского).

Атмосферу ожидания создала выставка фиалок в фойе театра и красавишеские фиалочки на одежде билетёров и гардеробщиц. Буклеты-программки в фиолетовой цветовой гамме оформлены очень красиво (хотя местами чёрные буквы на тёмном фоне да ещё при свете высоко расположенных ламп делают невозможным чтение).

Спектакль в целом удался и стал праздником. Проанализируем подробнее само произведение и его конкретное воплощение в этот раз.

Оперетта увидела свет в 1930 г. в Вене. Она завершает собой шестёрку гениальных кальмановских музыкально-сценических сочинений. В ней отразились новые тенденции в его творчестве: отмечают, что "Фиалка Монмартра" явилась комедийным парафразом пуччиниевской "Богемы", которая, в свою очередь, драматургически основывается на повести Анри Мюрже "Сцены из жизни богемы". Однако и от оперы, и от повести здесь осталось очень мало. В спектакле можно услышать пару остроумных фраз, позаимствованных у Мюрже: это реплика, объясняющая, почему богемцы живут на пятом этаже: из этого, что в доме нет шестого. И что настоящая парижанка, родившись, сразу смотрит, как на ней сидят пелёнки.

В музыкальном отношении специалисты усматривают в произведении влияние Пуччини — солист и оркестр могут звучать в унисон, а не представлять сольную партию и аккомпанемент, используется нонаккорд. Известному критику И. Соллертинскому приписывается вычурное высказывание, что Кальман является "главным пуччинизатором европейского опереточного искусства" (я, правда, читал саму статью Соллертинского о "Фиалке", перебирал все его доступные в Одессе работы, но этой фразы нигде у него не обнаружил).

Композитор стал писать оперетту на немецкий текст своих постоянных либреттистов Ю. Браммера и А. Грюнвальда сразу после знакомства с юной эмигранткой из России Верой Макинской, вскоре ставшей его женой. Он даже ввёл связанные с ней сюжетные линии и говорил своей музе: "Фиалка — это ты".

В 1933 г. оперетта вышла на советские подмостки. В тот год в Ленинграде она шла ежевечерне (!), такое в опереточной практике бывало, что сейчас едва можно себе представить. Автором тогдашнего русского варианта либретто явился А. Дикгоф-Деренталь (интересная личность: бывший эсер, по некоторым свидетельствам, лично повесивший организатора народного шествия в Кровавое воскресенье попа Гапона; арестован вместе с главой эсеров Борисом Савинковым при нелегальном пересечении советской границы, но, в отличие от того, осуждён не был).

В 1954 г. Московский театр оперетты поставил "Фиалку Монмартра" с новым либретто Г. Ярона, С. Болотина и Т. Сикорской, вызвавшим острую дискуссию. Автор известных оперетт композитор Ю. Милютин выступил в прессе с резкой критикой спектакля и либретто, заявляя, что здесь не отражены должным образом социальные противоречия, а воспеваются красивая парижская жизнь. Правда, при этом говорит, что авторы убрали благоглупости предшествующего либретто. Последовало возражение Г. Ярона, затем снова выступление Ю. Милютина.

В 1975 г. с названием "Под крышами Монмартра" была осуществлена и экранизация оперетты, где либреттистами указаны только С. Болотин и Т. Сикорская.

Нынешняя одесская постановка основывается, видимо, на либретто московского спектакля (в театральной программке среди его авторов приводится также И. Туманов). Создатели немецкого оригинала дали тройке друзей, главных героев оперетты, имена реально живших творцов — художника Делакура (поменяв ему имя с Эжена на Рауля), компо-

зитор-опереточника Флоримона Эрве и либреттатора Анри Мюрже, самого автора повести о богеме. Авторы русского варианта почему-то решили присвоить Эрве имя Марсель. Добавлю, что реальный Делакура на четверть столетия был старше двоих других, поэтому вряд ли мог делить с ними крышу над головой. Исключив из действия присутствующего в оригинале барона Ротшильда, русские авторы всё же оставили упоминание о нём — как о человеке, имеющем достаточно денег, вложив эту звучащую некстати фразу в уста одного из богемной тройки. Кстати, и в повести, и в опере друзей четверо — с ними ещё философ Коллен, но последнего авторы оригинала решили в оперетту не включать.

Одесский спектакль поставлен в собственной сценической редакции теперешним главным режиссёром театра В. Подгородинским и имеет, видимо, изменения в последовательности номеров и в сюжетных линиях. Об этом заставляет думать исполнение шлягерного номера "Карамболина" в самом начале представления. Вряд ли композитор поместил его здесь — публику, как говорится сейчас на эстраде, нужно сперва разогреть. Проверить это мне пока не удалось: попытка узнать, имеются ли в Одессе немецкие клавиры и партитура произведения, успехом не увенчалась; в Интернете же полный нотный материал кальмановских сочинений отсутствует; с либретто дело обстоит не многим лучше — лишь некоторые энтузиасты подготовили по аудиозаписям оригинальные тексты

лей по два исполнителя, и, когда играют В. Фролова и Н. Завгородний, звучит текст дуэта из "Королевы чардаша"; когда играют А. Ахметова и А. Мирошниченко, мы слышим совсем другие слова; ну а когда Ахметова с Завгородним, то каждый поёт текст из "своего" дуэта (строфы, естественно, поются поочерёдно). Хореография у обеих пар тоже разная. Мирошниченко в танце демонстрирует элементы брейк-данса.

Оперетты Кальмана обычно трёхактные. Но постановка — в духе опереточных спектаклей последних десятилетий — уплотнена до двух актов (в операх акты тоже нередко совмещают). Само действие пьесы содержит драматургические неувязки. Наиболее заметная из них — в третьем действии премьеры "Карамболина", которую раньше директор театра, Бруйар, и слушать не хотел, а также дебют Виолетты. Всё произошло как бы само собой. В фильме "Под крышами Монмартра" это обосновано содержанием. Неубедительным является эпизод в финале с отставкой министра Фраскатти: фактически его отставил собственный секретарь, а формально — он сам себя, поставив подпись, не читая документ. Но не сам же себя человек назначает министром (Фраскатти сам говорит в начале спектакля, что его назначили), не сам и снимает. Господин министр чётко показывает, что понятия не имеет, что такое живопись, но в дуэте с Нинон противоречит себе, утверждает, что любит картины. Станным выглядит и то, что после разрыва с Нинон Рауль,



Фото Олега Владимировского.

"Королевы чардаша" да "Графини Марицы" и выложили их для всеобщего пользования. Вдова композитора и наследники, очевидно, умышленно препятствовали и продолжают препятствовать свободному доступу к его материалам, чтобы получать за разрешение дивиденды. Увы, по закону об авторском праве наследие Кальмана ещё не скоро перейдёт в общественную собственность.

Но нужно вернуться к потрясающей "Карамболине". Так называется оперетта, сочинённая друзьями-богемцами. Это имя девушки (также и в форме Карамболетта), которой восхищается Париж, но имя чудное. Вряд ли в каком языке оно существует. Имя звучит на итальянский манер. В экранизации попытались объяснить его происхождение испанским словом *caramba* — чёрт возьми, но то ли имели в виду авторы оригинала?

Для этой оперетты очень свойственно повторение одних и тех же музыкальных тем. "Карамболина" исполняется четырежды (трижды Нинон и один раз Виолеттой). Удивительно, что столь восхитительный номер был отдан самим Кальманом не Виолетте (чьё имя по-итальянски и означает "фиалка"), а Нинон. Постановщики, вероятно, ощущая недостаток оригинального музыкального материала, прибегли к испытанному в музыкально-сценических произведениях приёму — вставному номеру. Здесь таковым является дуэт мадам Арно и Франсуа, основа которого — популярнейший номер "Весёлый май" из кальмановской оперетты "Голландочка". В нашем театре он уже побывал в постановке "Королевы чардаша" 1984 года. На сей раз получается пикантный момент: у этих ро-

отнюдь не искавший с ней встречи, вдруг танцует с ней. Леблан, видя Нинон, почему-то спрашивает: "Могу я видеть м-ль Нинон Тисье?" — хотя он и знает, что это она; Фраскатти, придя к дому, где обитают богемцы, и зная уже, что Рауль живёт здесь, всё же интересуется у Виолетты, где тот проживает; в стихотворении, посланном Фраскатти, Нинон называется мадам вместо мадемуазель (понимаю, что авторы пренебрегли смыслом ради рифмы); Рауль в финале I акта задаёт вопрос, кто смеет бить Виолетту, хотя он уже раз зашил её от побоев опекуна; неразумны слова Виолетты в том же финале, обращённые к богемцам: "Вы жили, забот не зная", — в то время как их существование переполнено заботами о выживании.

Вообще хорошо было бы взять из разных вариантов либретто лучшие сюжетные линии да самые остроумные реплики!

В постановке следует отметить интересные мизансцены и движения богемной тройки и Нинон, а также Фраскатти. Это может служить ответом тем, кто утверждает (а такие, поверьте, есть), что в нашем театре "не могут двигаться", хотя к ряду исполнителей труппы это и относится.

Зрительное восприятие происходящего на сцене теряет от того, что актёр А. Прокопович (Рауль) и обе исполнительницы роли Нинон — Л. Духновская и И. Ковальская — внешне не подходят друг другу. Что ж, в театре сейчас проблема с исполнителями ролей героев.

Наиболее яркая актёрская работа в спектакле — это игра Т. Кринички роли министра изящных искусств кавалерийского генерала в отставке Фраскатти. Этот актёр также

выступает в театре в амплуа героя, да и в ролях другого плана. Оперетта — конечно, буффонада, и многие её ситуации кажутся нереальными в повседневности, однако буффонный генерал может сойти со сцены в обыденную жизнь. В 70-х годах начальника тюрьмы "перебросили на искусство" (по выражению его опереточного коллеги), сделав директором Одесского оперного театра. Своими эксцентричными высказываниями и поступками он вошёл в анекдотическую летопись города. Вот так в опере случилась оперетта. Видимо, промучившись четыре года и промучив коллектив, он оставил это поприще.

Запоминающийся образ хладнокровного, расчётливого секретаря министра, Леблана, создал Д. Фалюта — хотя роль и второстепенная.

Наличием в спектакле некоторое осовременивание, что ведёт к анахронизмам. Правда, это безобразнейшее явление в искусстве последних десятилетий коснулось здесь третьестепенных деталей — одежды и обуви богемцев (чем они явно отличаются от окружения; художник по костюмам О. Резниченко) и шариковой ручки министра, подписывающего приказ. Ещё о костюмах: непонятно, почему у мужского балета выставлены на показ брючные подтяжки, не прикрытые ничем. И это кавалеры, танцующие с дамой в роскошном платье!

Если определять время действия, то в повести неоднократно указывается эпоха 1840-х годов. Вряд ли авторам спектакля хотелось точно определить время, однако, поскольку Фраскатти в дуэте с Нинон поёт, что любит кино, то, соотнеся с другими признаками, скажем, что события происходят в начале XX в. А вообще режиссёр В. Подгородинский тоже подхватил инфекцию осовременивания, которое автоматически становится соавторством. У него это выразилось в "Безымянной звезде". Подумать бы при этом, как к этому отнёсся бы подлинный автор.

В конце января около 30 членов краеведческого клуба "Моя Одесса", возглавляемого известным историком города Валерием Нетребским, посетили представление "Фиалки Монмартра" (пришло бы и больше, если бы не суровые погодные условия). Люди получили удовольствие. Кстати, и развешанные в фойе красивые зимние пейзажи создавали настроение. На следующий день в клубе состоялось обсуждение спектакля. Когда-то, в далёкие уже времена, в городе устраивались подобные обсуждения: к примеру, с этой целью могла собраться аудитория в университете. Проводились и зрительские конференции, где желающие высказывались о театре. Многие члены клуба посещают и секцию зрителя Театрального общества. Такая секция, возможно, вообще исключительное явление в мире. Театральная жизнь должна бурлить не только в театре, но и среди зрителей; они вместе должны создавать театральную среду. Если звучит только голос театра, то это монолог (и, если хотите, диктатура), а если звучит и голос зрителя, то это диалог. Можно услышать немало красивых слов и увидеть реверансы в адрес зрителя, однако пусть театральные деятели видят, как их воспринимают те, к кому они обращаются. Должна быть обратная связь. Говорю это потому, что в театре есть такие, кто хотел бы заткнуть рот критике. Они что хотели бы — чтоб в зале сидел только неподготовленный или равнодушный зритель, глядящий бессмысленными глазами на сцену, или же приезжий, впервые попавший в театр? Нужно на случай им напомнить, что театр и ставящийся в нём произведение — не их личная собственность.

На упомянутом заседании клуба прозвучали некоторые отклики. Так, например, речь зашла об одной старой проблеме театра, вызвавшей и десятилетия назад смех в зрительном зале, да и у многих сотрудников: бывает, что актёр хлопнет партнёра по плечу или по спине либо он сам схватится за голову в головном уборе, и в этот момент от вещей подымается столб пыли. На обсуждении один из несведущих зрителей предположил, что это делается специально, для вящего комизма. Нет, всё прозаичней — просто костюмерами не вытряхивается пыль.

Хочется пожелать спектаклю долгой жизни; чтоб он не ветшал, а то на представлении 31 мая были упущены некоторые важные реплики, слаженности в отдельных сценах не было, т. е. актёр накладывал свой текст на слова партнёра; что-то случилось в балете, что вместо шестёрки лошадей вышла четвёрка и карету с министром уже везти не могли. Извините, если связзлю: что, овсяный кризис?

Взяв в работу "Фиалку Монмартра", театр поступил абсолютно правильно. Но хорошо было бы, если б он расширил свои репертурные горизонты за счёт той классики, которая давно не шла или не ставилась вовсе. А тут работы хватит.

Александр ЮРЧЕНКО

Один день из жизни Андрея Рублёва

ЭТЮД В СВЕТЛО-ЛАЗЕРЕВЫХ ТОНАХ

Он кашлял хрипло, сухо, с надрывом... Хрип поднимался откуда-то изнутри, неосторожно тревожа внутренности, потом, вылетев из раскалённой гортани, ударялся о толстую монастырскую стену, срикошетив, бился настойчиво в слюдяное окно, как будто давая знак, что хочет улететь навсегда.

Даниил прислонился к стене, прислушался... Казалось, что в келье Андрея кто-то старательно рубит дрова...

Вот с треском раскалывается сучковатое морщинистое полено, обнажая волокнистую сердцевину, пахнущую свежеструганными досками и ещё чем-то необычным, свойственным запаху недавно отстроенного здания. Вот топор, наталкиваясь на сучок, звонко отскакивает в сторону.

"Осторожно, так можно поранить ногу!"

Даниил вскакивает и беспомощно разводит руками. В Андрониковом монастыре им было покойнее... И Андрей болел меньше. Хотя тоже работал немало. Здесь же, в Троице-Сергиевом, замыкается в себе, красок в руки не берёт, из кельи почти не выходит. Только кутается от монастырского холода, кряхтит по-стариковски да бормочет что-то, поминая Куликово поле да победу над духом.

Гулкий кашель снова раздаётся из кельи друга. Даниил вздрагивает.

— Эх, не дотянет, — шепчет, прислоняя ухо к стене. Потом приоткрывает дверь и зовёт тихо:

— Андрей! Андрей!

Тщетно... Андрей спит, безмятежно раскинувшись на полатах, как будто и не было этого страшного кашля.

Сон, казалось, длился вечно, и можно было подумать, что приносит он сновидцу неимоверные страдания, но улыбка на измученном лице говорила об обратном.

...Андрей не знал, утро это или вечер, только вышли из белесой дымки три фигуры и двинулись в сторону монастыря. Он взял в руки сучковатую палку и стал в раздумии чертить ею, повторяя на песке движения птиц, летавших большими кругами над трапезной. Братья-чернецы только что откушали и разошлись по кельям для исполнения молитвы. Рядом, на траве, сидел румяный отрок Матвейка, сын монастырского кузнеца Гаврилы.

Солнце припекало. Осенний блеклый холм на его глазах неожиданно зазеленел сочной, изумрудной травой.

Андрей рукавом вытер пот со лба, высыпал Матвейке лукошко монастырских яблок,

таких же краснощёких, взял в руки кисть и стал писать с отрока икону. Временами он с тревогой вглядывался в три фигуры, медленно приближавшиеся с солнечной стороны. Их присутствие — непонятно, почему — волновало его.

Внезапно путники оказались рядом. Шедший впереди был, по-видимому, старший. Строгого вида, одетый в дорогие багряные одежды и лазоревую плащаницу, ниспадавшую с левого плеча, он опирался на тонкий, почти невидимый глазу посох, настолько длинный, что, казалось, конец его упирается в небо.

— А не водит ли юношу за сей посох невидимая мне десница? — подумалось Андрею. Он подвинулся красоте плащаницы — её чистому лазоревому цвету, который почти не встречается в живой природе: таким бывает только небо после летнего грозового дождя.

Следом за юношей в лазоревой плащанице следовал путник, одетый в голубую одежду и розовую накидку. Лицо его в обрамлении золотистых волос было полно кротости и смирения.

Замыкал троицу юноша угрюмого вида с таким же, как и у остальных, тонким посохом в руке.

Андрей отбросил кисть в сторону, но путники успели уловить её последнее движение.

— Что же ты делаешь, богохульник?! — воскликнул первый вместо приветствия. — Кто позволил тебе живописать мирянина?

— Это не мирянин, это образ, — спокойно ответил Андрей.

Матвейка тем временем исчез. Склон холма снова потускнел. Только рассыпавшиеся на пожухлой траве яблоки напоминали о недавнем присутствии отрока.

— Куда путь держите, странники? — Андрей задал вопрос, скорее, из вежливости, чем из любопытства, но это, как ни странно, смягчило карающий гнев неожиданных пришлецов.

— Скажи, старец, не Троицкий ли монастырь перед нами? — спросил первый юноша, сделав вид, что не расслышал вопрос.

— Он самый.

— Не его ли разорил басурманин Едигей в прошлом лете?

— Его, мил человек, — Андрей тяжело вздохнул. — Отец Никон уж двадцатый год как отстраивает его заново.

— А если снова басурманин придёт и всё разорит? — вступил в разговор юноша угрюмого вида. — Что будете делать?

— Все горой встанем, — ответил Андрей. — Терпению народа предела нет, но, ко-

ли придётся, за веру нашу постоим. Сколько бы ни терзала нас нечисть всякая, всё равно встанем.

Путники переглянулись. Старший из них кивнул, и в беседу вступил второй странник.

— Знали мы некогда чернеца Андрея по прозвищу Рублёв. Под началом Сергия Радонежского провёл он в этом монастыре молодые годы.

— Как найти нам его? — разом выдохнула троица.

Пот выступил на лбу чернеца.

— Он перед вами, — прошептал Рублёв, убирая с чела прядь седых непослушных волос, как бы защищаясь этим движением от нежданных гостей.

— Не бойся нас, старец, — молвил старший. — Не за тобой пришли мы в сию обитель, а к тебе. Чтобы силы дать закончить благое дело. За тобой мы после придём. Зовёт тебя отец Сергий на небо, но прежде исполни волю его — распиши стены храма монастырского так, как доселе никто не распишивал — ни Феофан Грек, ни иные константинопольские мастера.

Путники поклонились низко, и он увидел, как покачиваются белые крылья у них за спиной.

Андрей упал на колени.

— Дай силы, Господи! Только дай силы! — поднял глаза.

Три большие стрекозы сидели на тонком вересковом стебельке, выпуклыми стеклянными глазами изучающе уставившись на него. Потом взмахнули прозрачными крыльшками и растворились в небесной лазури.

— Андрей, Андрей, очнись! — рядом стоял Даниил, теребя друга за плечо. — Ты так кричал во сне... Я решил пробудить тебя.

Андрей вскопился с постели.

— Я видел цвет, — вскричал он взволнованно. — Я видел чистый лазоревый цвет!

— А ещё что? Ты так кричал во сне.

— Не помню, ничего не помню.

Он пошатнулся. Тёплая пелена ударила в голову.

— Я видел Матвейку. Помнишь Андроников монастырь? Сын кузнеца Гаврилы... Он был здесь. И ангел в лазоревом плаще... У него такое доброе лицо, — торопился Андрей, пока память слушалась его.

Он провёл рукой по глазам, потёр виски, сился вспомнить ещё что-то.

— У кого доброе, у Матвейки? — вопрошал Даниил, плохо понимая сумбурный сон.

— Я буду работать сегодня, — продолжал Андрей, не слушая друга.

— Андрей, ты болен, ты сам не знаешь, как болен! — друг-чернец взял его за плечи и усадил на постель.

Даниил Чёрный был старше Рублёва, но выглядел крепче. Не будь он живописцем и монахом, служить бы ему ратником в дружине славного князя Василия Дмитриевича.

— Кисти, краски, — шептал Андрей. — Я видел лазоревый цвет.

Даниил покачал головой.

— Ложись, Андрей, ложись. Никуда не денутся краски. Я положу их здесь, рядом с тобой.

Андрей лежал жалкий, растерянный, слабый...

Тихий свет, струившийся из маленького окна, падал на подушку, высветляя заострившийся нос, бледные скулы, выющиеся, словно серебром покрытые, волосы.

— Даниил, — прошептал из последних сил. — Умру, если не дашь красок.

Даниил медленно, как бы ожидая, что товарищ его передумает, поставил козлы, на них взгромоздил доску для иконы, рядом положил краски.

Андрей опёрся на руки, сел, осторожно спустил одну ногу: "Не надо я сам", — отстранил Даниила, затем пододвинул к ней вторую. Посидел немного, потом рывком поднялся и взял в руки кисть.

Он долго колдовал над красками, размешивая их с яичным желтком, потом несколькими сильными мазками обозначил в центре иконы лазоревое пятно и, не поддерживаемый более внутренними силами, рухнул бы на пол, если бы не два могучих чернеца, которые давно уже стояли у двери, привлечённые шумом, не решаясь войти. Они подхватили Андрея Рублёва под руки и осторожно уложили на полати.

— Теперь я не забуду этот цвет... — всем показалось, это были последние слова.

Три дня отпаивали его монахи горячим настоем из мёда, первоцвета и душицы. На четвёртый — Андрей встал. И свершилось то, что теперь известно из Софиевской второй летописи. И нечего нам больше прибавить:

"Спешно они творили своё дело, словно провидели духом своё скорое преставление от жизни сей. Но Бог помогал оканчивать дело преподобного, и работали они усердно и росписями чудными украсили церковь: могут они и ныне удивить зрящих всех. Последнее своё рукоделие и память себе преподобные оставили".

ГОСТЬ РЕДАКЦИИ — ЖУРНАЛИСТ, ПИСАТЕЛЬ И ПУТЕШЕСТВЕННИК АЛЕКСАНДР ЮРЧЕНКО, НАШ ПОСТОЯННЫЙ АВТОР

— Александр, диапазон Ваших литературных интересов простирается от древних цивилизаций Ближнего Востока до европейского Средневековья. Зачем Вы забираетесь так далеко от наших дней? Ведь это, наверное, очень сложно — вникнуть в характер человека столь отдаленных эпох.

— Вы знаете, характер человека за последние четыре — пять тысяч лет практически не меняется. Те черты, которые были присущи древнему египтянину, ассирийцу, римлянину: зависть, жадность, равнодушие, бездеятельность, бесчестие, наглость и, с другой стороны, доброта, порядочность, скромность, честность, энергичность и решительность, — сохраняются в человеке и по сей день. Так что, повторюсь, описать характер, психологию человека не так трудно. Сложнее воссоздать бытовые и исторические условия среды, предметы, которые окружают его в том времени, в котором он жил. Изменились быт, религиозные верования, система материальных отношений, но не характер.

— А не проще было бы Вам, как писателю, повествовать о нашем времени, о животрепещущих проблемах сегодняшнего дня?

— Нет, я думаю, сложнее. Без знания истории человечества, человеческих отношений разных периодов трудно жить в настоящем времени, двигаться дальше. Легче, когда учишься на накопленном человеческом опыте. Тогда не совершаешь ошибок, которых можно избежать. Это касается и личных межличностных отношений, и войн.

— Можете привести примеры?

— Я написал книгу "Крепости и замки Сирийской эпохи крестовых походов", в которой рассказал не только о фортификационных сооружениях, но и о событиях на сирийской земле во время походов европейцев на Ближний Восток в защиту Гроба Господня в XI — XIV веках. Если бы современные крестоносцы изучили по книгам историю кресто-

вых походов, то прекратили бы навязывание свободным государствам своей идеологии, причем с помощью военной силы, как делается, например, в Сирии, и поняли, что эту страну с богатой историей и традициями победить силой невозможно.

— Кстати, у Вас две книги о Сирии. Чем они интересны для читателя?

— Прежде всего, интересна история их создания. В начале XX века бельгийский археолог Кюмон нашел на раскопках римской крепости Дура-Европос на берегу Евфрата в Сирии щит, на котором были нанесены все укрепления римлян по периметру Средиземного моря. Они защищали рубежи Римской империи и были связаны между собой военными дорогами, мощными булыжниками. Меня заинтересовали эти военные транспортные коммуникации. Одна из дорог связывала эту крепость в Сирии с римскими крепостями на территории Украины: Тирой, Ольвией, Херсонесом. Я стал изучать историю Сирии, географические карты и настолько увлекся, что решил побывать в этой стране. Так родилась первая книга "Древние святыни Сирии. По стопам апостола Павла". Красота Сирии, ее история и исторические памятники произвели ошеломляющее впечатление. В книге я рассказываю о встречах с людьми, о поисках древностей, о христианских местах. Ведь эта страна является родиной христианства, там много древних церквей и монастырей, само слово "христиане" впервые прозвучало в сирийском городе Антохия.

Готовясь написать вторую книгу "Крепости и замки Сирийской эпохи крестовых походов", я прошел по следам британского шпиона Лоуренса Аравийского, который в юности увлекся изучением сирийских крепостей. Этот рассказ стал первой частью книги. Потом нашел и посетил практически все крепости средневековой Сирии и описал их во второй части. Третья — посвящена истории крестовых походов.

— У Вас также вышла книга "Путеше-

ствие по Ливану. В поисках загадочной Финикии".

— Да, Финикия — это загадочная цивилизация. Финикийцы были первыми мореходами в мировой истории, останки их поселений разбросаны по всему побережью Средиземного моря. Поскольку свои плавания они осуществляли три тысячи лет назад, сохранилось очень мало. Я решил посетить все страны, где они вели свою деятельность. Это одна из тем серии "Древности Средиземноморья", которая выходит в киевском издательстве "Книгоноша".

Родина финикийцев — Ливан. С прибрежных городов-государств Тир, Сидон, Библос я начал свои поиски, а продолжил в горной части Ливана. Изучив исторические документы древних авторов, мифы и памятники архитектуры, пришел к выводу, что Финикия является родной европейской цивилизации. Сначала греки переняли финикийский алфавит, мифы, детали архитектуры, модель городской самоорганизации, потом поделились всем этим с Европой.

— Коль мы уже коснулись европейских дел, вопрос о Вашем романе "Федор Курицын. Повесть о Дракуле". Как Вы перешли от древних цивилизаций к этой теме? Оправдан ли подзаголовок "Исторические хроники конца XV века", или в книге есть вымышленные персонажи?

— Я начал писать этот роман задолго до восточных путешествий. Он строится на исторических документах, вымышленных персонажей в книге нет. История создания романа такова. 15 лет назад в Археологический музей в Одессе пришла бандероль из Америки. В ней были медаль с изображением Дракулы и письмо, в котором румынский медальер, живущий в Америке, рассказывал о Дракуле, представляя его не злодеем, а национальным героем. Заинтересовался сначала этим персонажем и начал писать о нем, потом выяснил, что в XV веке некто Федор Курицын написал повесть о Дракуле. Начав поиски, обнаружил сведения об авто-

ре весьма скудные, но очень интересные. Курицын был видной фигурой при дворе московского князя Ивана III. Он являлся главой дипломатической службы князя. Ездил во главе посольства в Венгрию и Литву, в Москве вел переговоры с послами императора Максимилиана, польского и венгерского королей, турецкого султана. Курицын намного опередил свое время. Он был поэтом, философом, первым светским писателем на Руси, его философский трактат о воле отличался свободомыслием. Поэтому церковь обвинила Курицына в ереси, и его имя было вычеркнуто из истории.

Мне посчастливилось найти в архивах интересные документы, многие из которых до сих пор практически не были изучены. Действие происходит не только в Москве, но и в Германии, Австрии, Венгрии, Польше и Литве. Курицын помимо дипломатической службы пишет по ночам повесть о валахском государе по прозвищу Дракула, также руководит еретическим кружком. Все события происходят на фоне дворцовых интриг и военных действий Москвы и Литвы в борьбе за украинские земли.

— Александр, несколько слов о Вашем последнем романе.

— У него длинное название "Овидий. Письма к Августу. Письма, брошенные в грязную урну для грязного беля". Римский поэт Овидий, находясь в ссылке, пишет письма императору в надежде на освобождение. В романе показаны сложные взаимоотношения поэта и властителя. Это вечная тема.

— Александр, благодарю Вас за интересный рассказ. Последний вопрос. Где можно купить Ваши книги, можно ли прочитать что-нибудь в Интернете?

— Сейчас модно покупать в Интернет-магазинах. Книги представлены практически во всех областях Украины. В Одессе продаются в магазине "Христианская книга" на поселке Котовского. В Интернете свободно можно прочесть несколько отрывков моего исторического романа.

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

Добрый день, господин Венцлова!

Это было несколько лет тому назад. Позвонили из Литмузея и пригласили на встречу с Томасом Венцловой. Как говорили когда-то: "Где именно, а где наводненье!" — то есть где Одесса, а где Томас Венцлова!.. Приглашение показалось невероятным — уж не розыгрыш ли это?!

Но в такую жару?! Всё же мы отправились в Литературный музей.

Сразу признаюсь, что имя литовского поэта, давно живущего в Штатах, у меня вызывало, прежде всего, одну устойчивую ассоциацию — с "Литовским ноктурном" Иосифа Бродского, посвященным Томасу Венцлове.

После первых представлений и приветствий Томас, признавшись, что он "малопродуктивный поэт", всего-то около двухсот стихотворений, начал читать стихи из книги "Граненый воздух", переведенной на русский язык Владимиром Гандельсманом. Первое стихотворение было им прочитано на литовском языке, чтобы слушатели хоть на короткое время погрузились в звучание его родного языка, а затем его перевод. (На вопрос, можно ли где-то приобрести эту книгу, последовал отрицательный ответ — книга вышла в Москве еще в 2002 году... Но есть же Интернет!) Вот это раннее стихотворение Томаса Венцловы, написанное еще в Литве.

Постой, постой. Во фразе пульса нет.
Границей крыш отчеркнутый восход.
Чуть молвит что-то снег — огонь в ответ.

Противовес по грунту чертит след
и замедляет маятника ход.
Постой, постой. Во фразе пульса нет.

Зеркальной пустотой не мир воспет —
в ней, отразясь, чертёж его плывёт.
Чуть молвит что-то снег — огонь в ответ...

После "Постой, постой..." последовали другие стихи, сопровождаемые автором необходимыми комментариями. Так, говоря о переводах на европейские языки, Томас признался, что о качестве переводов на знакомые языки он судить может, но вот каковы переводы на шведский, а тем более — на албанский или китайский... Кстати, о двух последних языках и странах.

Мы-то практически ничего не знаем о современной Албании. Томас рассказал, что там переводят все и всех (русскую литературу от Пушкина до Пелевина!). Перевели и его стихи. Более того, в городе Дуррес (древнегреческий Эпидамн) повесили на стене древнего амфитеатра мемориальную доску со стихами Томаса Венцловы. Поэт об этом рассказал, улыбаясь, не скрывая своего удивления и удовольствия, что еще более расположило присутствующих к нему.

Упавший небосвод амфитеатра, плавно-скалистый полукруг речитатива, пауз — не так ли и актёр ведёт свой монолог?

Здесь Эпидамн стоял,
под солнцем дня расплавясь,
здесь, помнится, толпе подмигивал
из Плавта
какой-то приживал.
Сей бедный уголок земли!..

Не менее интересным был рассказ о встрече с китайским переводчиком. Судить о качестве перевода было уж совсем невозможно, но любопытно то, что, со слов жителя Поднебесной, в Китае давно начали переводить русскую литературу, Пушкина, и особенно полюбились китайцам "Капитанская дочка", потому что, как сказал китайский переводчик, каждый китайский император, основатель новой династии — это Пугачев. Стихотворение Томаса Венцловы "Мандат неба" — именно об этом.

... "Средь прочих сюжетов северной,
он продолжает, — страны
нам ближе всего, пожалуй,
сюжет "Капитанской дочки".
Звучит она в переводе как
"Чудо вознагражденной любви".
Все иначе вроде:
другой средой порожденный
словарь, офицерские звания иные,
но суть одна:
пурга. Сквозь пургу разбойник бредет,
под тулупом пряча секиру.
Зачатый грязью, он злобен. Потом война.
Ничто становится всем,
и бродяги толпой идут к столице.
Пожар. Смятенье. Гонг.
Живность всю перебьют.
И только юнца-поэта минует петля палачья.
Второе столетье длится
запечатлённое счастье:
юнца выручает девица,
повстанец разъят на части...

Я привожу отрывки стихов, не полностью, чтобы не нарушить авторские права поэта и его переводчика.

Отзвучали стихи, Томас готов был выслушать вопросы и ответить на них, рассказать о своих встречах с писателями, в частности, с Анной Ахматовой. Он перевел ее стихи, и они были изданы в Литве. Привезя свои переводы на суд Анны Андреевны, которая литовского языка не знала, он столкнулся с ее вежливой недоверчивостью к его переводам. Но, на его счастье, переводы прочитал Вячеслав Всеволодович (Кома) Иванов, знаток многих языков, в том числе и литовского. Они ему понравились, и отношение Ахматовой к молодому человеку, дерзнувшему заставить ее стихи звучать по-литовски, изменилось. Именно Анна Ахматова познакомила Томаса с Иосифом Бродским, Анатолием Найманом и другими "птенцами гнезда".

Кстати, признаюсь, было опасение, что встреча с поэтом Венцловой превратится в расспросы о поэте Бродском. Томас сам при-

знался, что для него две тяжелейшие утраты — Чеслав Милош и Иосиф Бродский. "Именно в такой последовательности, и, думаю, Иосиф бы со мной согласился", — сказал гость.

В поэтическое звучание вечера вплетались политические мотивы. На вопрос одного из присутствующих, кого из членов Украинской Хельсинкской группы знал бывший литовский диссидент (высланный из СССР в 1977 году после письма в ЦК о своей несовместимости с советской системой), Томас ответил кратко: "Я знал только генерала Григоренко". Другой же участник встречи, несколько возбужденный, все, как мне кажется, сначала не мог простить Бродскому Нобелевской премии, а потом и вовсе обрушился на гостя, как будто тот в его глазах перевоплотился одновременно в Билла Клинтона и Джорджа Буша — речь шла о Сербии.

С балтийской сдержанностью Венцлова, уж никак не повинный в судьбе Сербии, признался, что ему очень жалко, что судьба всей Югославии так ужасно закончилась, но он бывал и в Сербии, и в Хорватии и, очевидно, более объемно видит всю историю печальных событий на Балканском полуострове...

Поэта спрашивали о современной литовской литературе и об отношении к нему в нынешней Литве. Конечно, у него есть друзья в Литве, но многие писатели, пишущие на фольклорные "хуторянские" темы, не слишком его жалуют, не прощаят ему его "космополитизм"...

Я спросила о его книге "Имена Вильнюса" (в Литве и у нас есть знакомые имена). Это книга, которая была написана как путеводитель по литовской столице, но после неодобрительного отзыва Сюзанны Зонтаг (еще один адресат посвящений Бродского!) он переписал книгу. Теперь это сборник эссе, в ней шестьсот имен самых разных людей. Даже Геббельс там присутствует. Предваряя наше удивление, Венцлова сказал, что в Литве тоже есть неонацисты, и он хотел им напомнить, как пренебрежительно и унизительно отзывался о литовцах Геббельс...

Поэт рассказывал о своей жизни в Москве в шестидесятые годы, где его первая жена в коммунальной квартире (в бывшем доме Шаляпина — теперь там музей Шаляпина) устраивала выставки художников-нонконформистов. Мой муж спросил, кого именно, и в ответ мы услышали имена знакомых московских художников.

А поездка в Одессу, может, и не была для поэта ностальгической, но воспоминательной — несомненно. Он впервые побывал в Одессе с отцом, известным литовским писателем Антанасом Венцловой, еще в 1953 году, в тот месяц, когда арестовывали Лаврентия Берию. Это он повторил несколько раз! Жили они в "Лондонской", которая тогда называлась официально "Одесса", но кто же из одесситов употреблял это название?!

Нынешние владельцы "Лондонской", если будете писать "Имена "Лондонской", не забудьте Антанаса и Томаса Венцлов!

Потом еще один приезд в Одессу — в 1960 году.

Теперь же, читая курс русской поэзии в Йельском университете, профессор Венцлова непременно читает своим студентам одно из своих любимых стихотворений Иосифа Бродского "У памятника Пушкину в Одессе".

Но самым неожиданным и удивительным было признание поэта о родственной связи с Одессой!

Его дед по материнской линии Меркелис Рачкаускас (в русифицированном варианте — Мельхиор Рачковский) в конце XIX века уехал из Литвы в Санкт-Петербург, где поступил в университет. Потом он оставил Петербургский университет и поступил в Новороссийский (!). Изучал он классическую филологию и стал блестящим знатоком в этой возвышенной и благородной области культуры. Но вернуться в Литву не мог, оказывается, в Российской империи литовцы, получавшие высшее образование за пределами Литвы (не знаю, касалось ли это только территории Российской империи), с этим образованием вернуться домой не имели права. Исключение составляли только священнослужители. Так Мельхиор Рачковский — Меркелис Рачкаускас — остался в Одессе и, будучи блестяще образованным человеком, стал библиотекарем у Григория Маразли! Мать Томаса Элиза родилась в Одессе в 1913 году, ее сестра — художница Мария Цвиркене (возможно, жена Пятраса Цвирки, не догадалась спросить!) — родилась несколько позже Элизы, но в Болграде!

Ну что за город Одесса!

Так что нашим краеведам можно попытаться потянуть и эту литовскую нить одесской истории.

Когда я спрашивала о книге "Имена Вильнюса", я учтиво обратилась к высокому гостю: — Понас Венцлова!
— Вы сказали ропас? — переспросил гость.
— Да, — призналась я.
— Вы говорите по-литовски?!

Да, — ответила я. — Я знаю еще по-литовски: Labadien Lietuva! (слово "Саюдис", не желая вновь вызывать политические страсти, я обошла молчанием).

Профессор Венцлова рассмеялся и сказал: "Моя жена знает не намного больше слов. Литовский язык — трудный язык!"

Поэтому то, что в самом начале как заголовок я написала по-русски, мне хочется повторить на этом трудном литовском языке: Labadien, ponas Venclova!

P. S. А клочок бумаги, на котором Томас Венцлова написал по-литовски имя и фамилию своего деду — Merkeliš Rachkauskas, я сохранила и положила в книгу, которую мой муж купил когда-то в Одессе:

Пильский Петр. Затуманившийся мир. Рига. Изд-во "Грамату Драугс". 1929 год. На книге печатка "Antano Venclovos knygos".

Иосиф БРОДСКИЙ

Литовский ноктурн:
Томасу Венцлове (1974)

ФРАГМЕНТ			
I	Взбаламутивший море ветер рвется как ругань с расквашенных губ в глубь холодной державы, зауядное до-ре-ми-фа-оль-ля-си-до извлекает из каменных труб. Не-царевны-не-жабы припадают к земле, и сверкает звезды оловянная гривна. И подобье лица растекается в черном стекле, как пощечина ливня.	Над жнивьем Жемайтии вьется снег, как небесных обителей прах. Из раскрытых дверей пахнет рыбой. Малец полуголый и старуха в платке загоняют корову в сарай. Запоздалый еврей по брусчатке местечка гремит балаголой, вожжи рвет и кричит залихватски: "Герай!"	точно Дариус и Геренас, но не так уязвим.
II	Здравствуй, Томас. То — мой призрак, бросивший тело в гостинице где-то за морями, гребя против северных туч, поспешает домой, вырываясь из Нового Света, и тревожит тебя.	IV	В полночь всякая речь обретает ухватки слепца. Так что даже "отчизна" на ощупь — как Леди Годива. В паутине углов микрофоны спецслужбы в квартире певца пишут скрежет матраца и всплески мотива общей песни без слов. Здесь панует стыдливость. Листва, норovia выбрать между своей лицевой стороной и изнанкой, возмущает фонарь. Отменив рупора, миру здесь о себе возвещают, на муравья наступив ненароком, невнятной морзянкой пульса, скрипом пера.
III	Поздний вечер в Литве. Из костелов бредут, хороня запятые свечек в скобках ладоней. В продоргших дворах куры роются клювами в жухлой дресве.	Издвини за вторжение. Сочи появление за возвращенье цитаты в ряды "Манифеста": чуть картавей, чуть выше октавой от странствий в дали. Потому — не крестись, не ломай в кулаке картуза: сгину прежде, чем грянет с насеста петушиное "пли". Извини, что без спросу. Не пьяться от страха в чулан: то, кордонов за счет, расширяет свой радиус брeнность. Мстя, как камень колодцу кольцом грязевым, над Балтийской волной я жужжу, точно тот моноплан —	

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.			Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68 www.odessitclub.org .
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.	Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. +38 067-480-37-05).	Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N 88. Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".	